

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
**ХРАНИТЕЛИ
СМЕРТИ**

Черная кошка

Николай Леонов

Хранители смерти

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Хранители смерти / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2021 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-161179-8

При загадочных обстоятельствах погибают несколько известных людей: артистов, ученых, художников, коллекционеров. Каждая смерть выглядит как самоубийство или несчастный случай. Однако интуиция подсказывает полковнику Гурову, что это хорошо спланированные убийства. Сыщик выясняет, что все погибшие хранили у себя полотна модного художника, которые затем бесследно исчезали. Так, может быть, все случаи – кражи с убийством? Эта версия остается рабочей, пока Гуров не выходит на таинственного «целителя», активно интересующегося современными картинами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161179-8

© Леонов Н. И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Хранители смерти	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	44
Глава 12	48
Глава 13	51
Глава 14	54
Глава 15	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Николай Леонов, Алексей Макеев

Хранители смерти

© Макеев А.В., 2021

© Оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2022

Хранители смерти

Глава 1

– О как я рада, что последовала вашему совету и пришла сюда! – воскликнула Инесса Васильевна. – Какой закат! Какие краски! И вы правы, вы совершенно правы: это то самое место, с которого Костя писал свое замечательное полотно!

– И вы считаете, что вон те трубы и этот ужасный сарай слева, под обрывом, не портят общего впечатления? – спросил спутник Инессы Васильевны.

– Нет, конечно! Не портят, совершенно не портят! – отвечала художница. – Ведь Костя писал не какие-то красивенькие пейзажики, а саму жизнь, как она есть! В его полотнах уродство этой жизни, ее острые углы преобразуются во что-то совершенно другое, образуют нечто новое. Да, теперь я знаю: он стоял здесь, в этом месте, и писал картину, которую потом подарил мне. Удивительное ощущение от того, что я стою на этом самом месте! Как удачно, что именно сегодня вы успели вернуться с конференции и привели меня сюда!

– А вас не пугает высота? – спросил ее спутник. – Не страшит этот почти отвесный обрыв?

– Нет, я совершенно не боюсь высоты! – гордо ответила Инесса Васильевна. – Артист не может и не должен бояться высоты! И потом, когда я с вами, я ничего не боюсь – ни высоты, ни злых людей.

– В таком случае давайте подойдем еще чуть ближе, – предложил человек, которому художница выражала столь горячую благодарность. – Оттуда будут видны некоторые подробности и детали...

– Да, конечно, пойдёмте! – согласилась Инесса Васильевна.

Они сделали еще три шага вперед и теперь стояли на самом краю обрыва. Прямо от их ног на глубину пятидесяти с чем-то метров уходил почти отвесный каменистый склон. Далее он становился чуть более пологим, там темнели кусты акации – сейчас, поздним вечером, они слились в сплошную черную массу. Слева за кустами торчали унылые дощатые сараи, ниже дымили трубы крохотного заводика. А дальше, еще ниже, расстился город.

Инесса Васильевна раскинула руки, словно собиралась взлететь – возможно, она вспомнила роль Нины Заречной, в которой блистала пятнадцать-двадцать лет назад. А может, просто так выражала свой восторг. И в этот миг что-то резко ударило ее в спину, так что она и правда полетела, но не вверх, а вниз, с обрыва. Она успела издать лишь короткий сдавленный крик, а потом ее тело ударилось о камни, перевернулось, ударилось еще раз. Художница катилась вниз, пока ее тело не застряло в кустах и не осталось там неподвижно лежать.

Ее спутник еще раз огляделся (он и во время их беседы постоянно оглядывался, точно ли никого нет), а затем начал осторожно спускаться вниз. Надо было убедиться, что дело доведено до конца. А еще его интересовала сумочка Инессы Васильевны, застрявшая между двух камней...

– Нет, товарищ генерал, это не была естественная смерть, – заверил генерала Орлова начальник Татуевского управления полковник Кожемякин.

– Почему же вы так в этом уверены? – недоверчиво спросил начальник главка.

– Потому что такое заключение дали наши криминалисты, – отвечал Кожемякин. – Их заключение гласит, что удары о камни на склоне не явились причиной смерти Инессы Любарской. Смертельным стал удар в висок острым предметом, по всей видимости камнем. И этот удар не мог быть нанесен естественным образом во время падения. Об этом говорят и угол, под которым был нанесен удар, и его сила.

– Хорошо. Значит, вы пришли к выводу, что вместе с Любарской был ее убийца. Но в таком случае он должен был оставить какие-нибудь следы, отпечатки пальцев...

– Нет, товарищ Орлов, к сожалению, убийца не оставил следов. Почва там каменистая, на ней следов не остается. А отпечатки пальцев... Очевидно, убийца орудовал в перчатках, так что и отпечатков нет.

– А свидетели? Неужели ни одного не нашли?

– Это чрезвычайно пустынное место, товарищ генерал, – принялся объяснять начальник управления. – Обрыв зарос кустарником, забраться туда трудно – кто туда пойдет? К тому же был поздний вечер, темнело. Нет, свидетелей тоже найти не удалось. Но нас беспокоит не это. Если бы дело ограничилось только смертью Любарской, поверьте, мы бы не стали просить вас о помощи, а обошлись бы своими силами. Дело в том, что это уже пятая подобная смерть за неполный год. До этого похожим образом погиб известный в нашем городе ученый, востоковед с мировым именем Федор Овчинников.

– Что, он тоже упал с обрыва?

– Нет, он утонул, но при очень странных обстоятельствах. Я не буду сейчас вдаваться в подробности, иначе наш разговор затянется на несколько часов, а я знаю, как дорого ваше время, но прошу поверить мне на слово: обстоятельства смерти Федора Терентьевича Овчинникова также наводят на мысль об убийстве. А еще раньше, до Овчинникова, странным образом умер художник Игнат Денисович Бушуев, он выпал из окна собственной квартиры.

– И что же тут странного? Открыл человек окно, высунулся слишком сильно, вот и случилось несчастье. Ведь тут, я думаю, не было ударов в висок?

– Нет, ударов не было. Бушуев погиб от удара о землю. Но дело было ранней весной, стояли холода, и никто еще не открывал окна нараспашку.

– Да, действительно странная смерть... – протянул Орлов. – А еще двое? Они тоже были артистами или учеными?

– Нет, еще двое погибших были людьми менее известными, – ответил Кожемякин. – Мужчина в прошлом занимался торговлей, а женщина владела сетью гостиниц. Общего у них с погибшими, о которых я говорил, – преклонный возраст и отсутствие следов на месте преступления, что позволяет предположить, что в нашем городе орудует хорошо организованная банда убийц и грабителей. Вот почему я прошу помощи у Главного управления.

– Я понял, Илья Григорьевич, – сказал Орлов. – Что ж, это дело по плечу только одному человеку – Льву Ивановичу Гурову. Сейчас я его вызову и поставлю перед ним задачу. А дальше уже ты будешь излагать ему обстоятельства дела.

Генерал включил селекторную связь и вызвал полковника Гурова. Когда спустя несколько минут знаменитый сыщик вошел в кабинет начальника главка, генерал познакомил его с Кожемякиным и кратко изложил суть дела.

– Как видишь, Лев Иванович, просьба у товарищей из Татуева не пустяшная, – сказал в заключение генерал. – Пять смертей за неполный год – это не шутка. А еще это полное отсутствие следов... Боюсь, в Татуеве тебе придется мобилизовать всю свою смекалку и знаменитую интуицию, чтобы распутать этот узелок. И сделать это тебе придется без твоего верного друга и спутника Стаса Крячко – для него у меня тоже есть срочное дело, аж в Красноярске.

– Что ж, товарищ генерал, попробую справиться без Крячко, – отозвался Гуров. – Конечно, с ним мы распутываем дела в два раза быстрее, но тут, как я понимаю, важна не скорость, а результат.

– Совершенно правильная мысль, – ответил генерал Орлов. – Ну все, дальше дело за вами. Вперед!

Когда Кожемякин и Гуров вышли из кабинета начальника главка, начальник Татуевского управления сказал сыщику:

– Мы, конечно, можем сейчас пройти в ваш кабинет, и я там изложил бы подробно все обстоятельства этих пяти дел, которые мы объединили в одно, но столь подробный рассказ займет не менее трех часов. А ведь вам надо еще собраться в дорогу... У меня есть предложение. Я приехал в Москву на служебной машине. До нас ехать недалеко, так что мои земляки предпочитают добираться до столицы на поезде или на автомобиле. Так что мы с вами могли бы поехать в Татуев на моем авто. А по дороге я бы изложил вам все подробности этого дела – по крайней мере те, которые мы успели выяснить. Вам ведь не много времени потребуется на сборы?

– Мысль здравая, – согласился Гуров. – Времени на сборы мне и правда нужно немного. Жена сейчас на гастролях – прощаться не придется. Разве что цветы нужно полить. Подъезжайте через час на проспект Мира, к станции метро. И дайте мне ваш номер телефона, чтобы я вас долго не искал.

Глава 2

Спустя два часа автомобиль полковника Кожемякина миновал последние дома северной окраины столицы и выехал на Ярославское шоссе. По сторонам замелькали перелески в золотистом осеннем уборе.

– Ну вот, теперь мы можем обсудить наше дело детально, – начал начальник управления. – Давайте я вам изложу хронологию этих преступлений. Первое убийство произошло четырнадцатого марта – художник Игнат Бушуев выпал из окна собственной квартиры на проспекте Энтузиастов. Это случилось ночью, около двух часов. Тело пролежало на асфальте до утра, его обнаружили первые прохожие, спешившие на работу. Наши сотрудники, прибывшие на место происшествия, убедились, что дверь квартиры заперта и следов взлома не имеется. Тщательный осмотр квартиры не выявил следов грабежа. Получается, в квартире в момент трагического инцидента никого не было, кроме хозяина. Такое заключение наши люди сделали вначале, поэтому произошедшее было квалифицировано как самоубийство. Однако с этим заключением не согласились ни родственники Бушуева, ни его друзья. Все, кто знал художника, в один голос утверждали, что на всей земле не существовало человека более жизнерадостного, чем Игнат Бушуев. Как заключил близкий друг покойного, художник Брательщиков, Игнат был принципиальным врагом смерти, и он стал бы последним человеком, который смог бы решиться на самоубийство. Ну, так часто утверждают друзья самоубийц, и мы не обратили бы на эти слова внимания, если бы не еще два обстоятельства. Во-первых, повторный опрос жильцов подъезда выявил одного свидетеля, который припомнил, что ночью, как раз около двух часов, он возвращался домой с ночной смены и видел выходящую из их подъезда незнакомую женщину. Между тем никто из жильцов гостью той ночью не принимал. А во-вторых, мы нигде не смогли найти ключи от квартиры. Их не было ни среди вещей покойного, ни в прихожей – нигде. Логично предположить, что ключи унесла с собой женщина, вероятная гостя художника.

– А покойного могла посетить гостя? – спросил Гуров. – Я имею в виду, поддерживал ли он отношения с женщинами? Какое у него было семейное положение?

– О, Игнат Бушуев очень даже поддерживал отношения со слабым полом! – заверил полковник Кожемякин. – Он был дважды женат, имел четверых детей от этих жен. К моменту своей гибели он уже год как развелся со второй женой Лизой и жил один. Но по свидетельству его друзей, женщинами он очень интересовался, друзья с ходу назвали двух подруг художника, с которыми он в последнее время встречался попеременно. Естественно, мы допросили обеих, выяснили все, что к ним относится. Но постепенно подозрения относительно этих дам отпали, стало ясно, что обе непричастны к трагедии. Тем не менее дело было переквалифицировано со статьи «самоубийство» на «убийство». Но это такое убийство, в котором нет ни подозреваемого, ни свидетелей, ни мотива.

– Ну, один-то свидетель у вас имеется, – заметил Гуров. – Тот самый работяга, который возвращался со смены и видел незнакомку в подъезде.

– Да, свидетель Олег Рубцов никуда не девался, – согласился Кожемякин. – Только фактов он нам сообщил не очень много. Была ночь, а фонарь возле подъезда, как назло, не горел. К тому же Рубцов видел незнакомку с расстояния метров десяти, не меньше. И видит он неважно, у него минус полтора, а очки носить не хочет. Так что фоторобот незнакомки он составить не смог.

– Понятно... – протянул Гуров. – Что ж, Илья Григорьевич, рассказывайте о следующем эпизоде.

– Следующий эпизод совсем другого рода. Произошел он одиннадцатого мая. Жена предпринимателя Олега Востокова пошла за покупками в магазин, а когда вернулась, обнаружила, что дверь открыта, вещи разбросаны по квартире, а в спальне на полу лежит ее муж – мертвый.

– Дверь была взломана?

– Нет, следов взлома нет. Либо у убийцы был собственный ключ, либо Востоков сам ему открыл.

– Дело было вечером?

– Нет, днем, в обеденное время. Бушуев выпал из окна около двух часов ночи, а Востокова убили в два часа дня.

– Ну, в таком случае можно рассчитывать на наличие свидетелей. Вы их нашли?

– Да, нашли, причем троих. И они видели, как из подъезда, в котором живут Востоковы, около двух часов дня вышли два человека с большими тяжелыми дорожными сумками.

– Ага, то есть здесь имел место грабеж, – заключил Гуров. – У Востоковых что-то пропало?

– Пропало, многое пропало, – подтвердил Кожемякин. – Дело в том, что Олег Иосифович Востоков известен, с одной стороны, как успешный брокер, занимавшийся покупкой и продажей акций, а с другой стороны – как коллекционер, собиравший старинный фарфор.

– Гжель? Или хохлома? – уточнил Гуров.

– Поднимай выше! Востоков собирал чайные и столовые сервизы северского и старинного китайского фарфора! Всего у него было девять таких комплектов, и двум из них, как мне сказали знатоки, буквально нет цены. А кроме того, у коллекционера имелись фарфоровые статуэтки, настенные блюда с росписью и другие вещицы. И все это бесследно исчезло. Общая стоимость похищенного, по оценкам экспертов, составляет двадцать четыре миллиона рублей.

– Да, в этом деле и мотив искать не надо, – заметил Гуров. – Но если убийц и грабителей видели сразу три человека, их поиски не должны занять много времени. У вас наверняка уже есть их фотороботы?

– В том-то и дело, что нет. Ведь я вам, Лев Иванович, не сказал одну важную деталь. Да, трое свидетелей видели двух мужчин, выходивших из подъезда. Но разглядеть их лица свидетели никак не смогли, потому что они были скрыты масками. На обоих убийцах были маски Деда Мороза! Ну там розовые щеки, седая борода, все такое. Свидетели, увидев такой маскарад, не знали, что и думать. Во всяком случае, ничего плохого им в это время в голову не пришло.

– Но ведь когда-то эти ряженные должны были снять свои маски. Сейчас повсюду висят камеры наблюдения, можно проследить...

– Да, Востоков жил в хорошем районе, где есть камеры, – согласился Кожемякин. – И одна из них зафиксировала, как двое «Дедов Морозов» садятся в машину. И мы позже эту машину отыскали. Только нам это не помогло: машина оказалась угнанной, а следы своего пребывания в ней убийцы стерли. А маски, наоборот, оставили – они валялись на полу.

– Хорошо. Теперь расскажите, как был убит Востоков.

– Здесь тоже все прозрачно: коллекционера убили двумя ударами ножом, один удар – в сердце, один – в горло. Били обыкновенным охотничьим ножом, который бросили здесь же, на месте преступления.

– Да, действительно, второе убийство резко отличается от первого, – заметил Гуров. – Даже непонятно, почему вы их объединили в одно дело.

– Изначально было только одно дело об убийстве – дело Востокова, – объяснил Кожемякин. – Я уже говорил, что смерть Бушуева мы вначале квалифицировали как самоубийство и только к маю решили его переквалифицировать. А тут как раз подоспело дело Востокова. И поскольку, несмотря на все различия, в этих эпизодах присутствуют схожие черты, мы их объединили.

– Ясно... Что ж, думаю, мы можем двигаться дальше. Как я понимаю, у вас есть еще три эпизода.

– Да, еще три смерти, – подтвердил Кожемякин. – Однако... Что у нас за окном?

Вопрос был адресован водителю – молчаливому парню в полицейской форме, который за всю поездку не проронил ни слова.

– Мы только что проехали Переславль, товарищ полковник, – ответил водитель.

– Вот оно как, уже Переславль! – воскликнул Кожемякин. – Значит, скоро проедем Яро-славль, а там и до нас недалеко. До Татуева максимум часа два осталось ехать. Надо мне пото-рапливаться, если я хочу рассказать обо всех эпизодах. Подробно изложить события не полу-чится, но я постараюсь рассказать самое главное.

Третье убийство произошло седьмого июня. Впрочем, это выяснилось позже, когда было найдено тело и проведено вскрытие. А так события начались девятого июня, когда руковод-ство университета обратилось в полицию с сообщением об исчезновении своего сотрудника, известного ученого, востоковеда с мировым именем Федора Овчинникова. Ну, вы знаете, что дела, связанные с исчезновением людей, у нас расследуются не так быстро, как дела о грабежах или убийствах. Лишь спустя два дня в полиции завели дело об исчезновении ученого и начали его поиски. И в тот же день, одиннадцатого июня, рыбаки обнаружили в реке Сить, в двадцати километрах от города, тело неизвестного мужчины. Было установлено, что это как раз тело Овчинникова. Естественно, мы начали искать место, где ученый упал в реку, выяснять обсто-ятельства произошедшего. Только спустя несколько дней место трагедии было обнаружено. Выяснилось, что ученый упал в воду в пяти километрах выше по течению, в глухом, совер-шенно безлюдном месте. И опять поначалу мы не собирались квалифицировать произошедшее как убийство. Все выглядело как несчастный случай. Ну, стоял человек на берегу реки, голова у него закружилась, может, стало плохо с сердцем (Овчинников, кстати, страдал от ишемиче-ской болезни сердца), и он упал в воду и захлебнулся. Однако опять, как в случае с Бушуевым, нашлись обстоятельства, не позволившие рассматривать эту смерть как несчастный случай. Во-первых, никто не мог объяснить, каким образом востоковед попал на берег реки Сить. Он не рыбачил, никогда не купался в реках, вообще не интересовался природой. Что заставило его отправиться в это глухое место? А во-вторых, когда полиция наведальась в его квартиру, выяснилось, что ее кто-то вскрывал.

– То есть в этом случае дверь отпирали не ключом? – уточнил Гуров.

– Именно, дверь была взломана, причем очень неумело. Соседи ничего не заметили из-за особой конструкции дома – на лестничной площадке расположена только одна квартира, и никто не видит и не слышит, что происходит у соседа. Да, дверь квартиры Овчинникова взломали, но зачем это было сделано, осталось непонятно – из квартиры, по всей видимости, ничего не пропало.

– А кто сделал такой вывод, что ничего не пропало? Жена, дети?

– Ученый был женат, но жена умерла за два года до описанных событий, а детей у них нет. Одно время даже думали, что квартира отойдет городу ввиду отсутствия наследников, как вдруг у покойного обнаружилась сестра, живущая в Новосибирске. Нет, заключение об отсутствии кражи сделали наши сотрудники, проводившие осмотр помещения.

– А не могло ли стать мотивом убийства желание получить эту квартиру? Сестру прове-рили на предмет возможной причастности к гибели Овчинникова?

– Да, эта мысль нам тоже пришла в голову, и мы эту гипотезу отработали и выяснили, что сестра покойного, Надежда Самодурова, не причастна к гибели востоковеда. Там в деле есть некоторые детали, но я не буду сейчас на них останавливаться, у нас нет времени. Пере-хожу к четвертому эпизоду. Он случился двадцать третьего августа и связан со смертью извест-ной предпринимательницы, владелицы сети гостиниц Ирины Анатольевны Зверевой. Она была убита в собственном доме, после чего этот дом был ограблен. Исчезла ценная коллекция ста-

ринных икон и монет, которой Зверева очень гордилась. Почерк убийц тот же, что и в случае с Олегом Востоковым: женщина была убита ножом. Ей нанесли три удара в грудь, один из ударов задел сердце. Орудием убийства вновь стал охотничий нож, оставленный убийцами на месте преступления. И, наконец, последний эпизод, случившийся всего четыре дня назад. Двадцать первого сентября гражданин, совершавший утреннюю прогулку со своей собакой на одной из городских окраин, обнаружил в кустах тело женщины. Личность погибшей была установлена быстро, ею оказалась известная актриса, заслуженная артистка страны Инесса Васильевна Любарская.

– Какова причина смерти в этом случае?

– Падение со скалы. Любарскую нашли у подножия так называемой Черной скалы – известного в нашем городе места. У него нехорошая слава, там несколько раз совершались самоубийства. Там обрыв около пятидесяти метров высотой, и если оттуда упасть, смерть практически гарантирована. Видимо, убийца, который, несомненно, находился на скале вместе с Любарской, рассчитывал, что мы расценим ее смерть как акт суицида. Но я уже изложил генералу Орлову причины, по которым мы были вынуждены отказаться от версии самоубийства и увидеть в этой смерти преступление. Собственно, причина одна: заключение криминалистов.

– А квартиру артистки тоже взломали?

– Нет, в данном случае возникло сходство с самым первым эпизодом. Квартира Любарской не была взломана. Но, как и в случае с Бушуевым, необъяснимым образом пропали ключи.

– А вам, случайно, не удалось найти свидетелей, которые видели, как кто-то входил или выходил из жилища Любарской?

Полковник Кожемякин покачал головой:

– Нет, Лев Иванович, такого свидетеля найти не удалось. И понятно почему. Видите ли, Любарская жила в таком доме, где у каждого владельца имеется отдельный вход. Никакой общей лестничной площадки нет, никакого подъезда.

– Но обычно подобные дома стоят на охраняемой территории, там есть ворота, и у этих ворот круглые сутки дежурит охрана, – недоумевал Гуров.

– Да, вы правы, охрана там есть. Но охранник следит только за машинами. Мы спрашивали его, он ничего подозрительного не заметил.

– А деньги, документы, ценные вещи – из этого ничего не пропало?

– Нет, никаких следов грабежа. Так что в этом случае, как и с Бушуевым и Овчинниковым, мы не имеем мотива совершения убийства. Поэтому нам никак не удастся найти ту самую ниточку, которая привела бы к преступникам.

– Ну, я уверен, что такая ниточка все же имеется, и, возможно, даже не одна. Надо только понять, где ее искать.

– Вот тут мы целиком полагаемся на вас, Лев Иванович, и на вашу прославленную проныцательность, – торжественно произнес начальник управления. – А вот, кстати, и наш Татуев. Успели до наступления ночи доехать.

Дорога забралась на возвышенность, и Гуров разглядел внизу, в долине, город. Вид города сыщику понравился – здесь много зелени, среди которой живописно выделяются красные и синие крыши домов.

– Как раз я успел вам все изложить, – вновь подал голос Кожемякин. – Сейчас мы отвезем вас в гостиницу «Речная» – она и правда стоит возле реки, место там красивое, думаю, вам понравится. А завтра утром познакомитесь с участниками расследования, и начнем работу.

Глава 3

Начальник Татуевского управления оказался прав: место, где его поселили, Гурову и правда понравилось. Гостиница хорошо устроена, персонал приветлив. А когда Гурова провели в его номер, он понравился ему еще больше.

Перед сном сыщик вышел погулять, дошел до берега реки. Обнаружил на соседней улице кафе. Сейчас оно, правда, было уже закрыто, но объявление говорило, что открывается оно рано. «Отлично, – подумал Гуров. – Завтра утром я смогу здесь позавтракать перед встречей с коллегами». И, узнав все, что ему было нужно, он отправился спать.

На следующее утро сыщик явился в управление. В кабинете полковника Кожемякина он застал не только самого хозяина, но и еще троих незнакомых людей. Когда Гуров вошел, все встали, и начальник управления по очереди представил их:

– Майор Николай Васильевич Ганчук. – Кожемякин указал на низенького плотного мужчину лет сорока, с волосами соломенного цвета и пронизательными серыми глазами. – Руководит расследованием всех этих убийств. Собственно, это Николай Васильевич и предложил объединить все эти эпизоды в одно дело, после чего стало ясно, что он должен возглавить расследование.

Начальник управления показал на следующего участника совещания:

– Это правая рука руководителя, капитан Роман Волобуев.

Капитан внешне был полной противоположностью своего начальника Ганчука: высокий, худощавый, черноволосый, подвижный. «Интересно, они по характеру так же различаются, как и внешне?» – подумал Гуров.

– Ну а это лейтенант Александр Полудин, – указал Кожемякин на третьего члена группы, спортивно сложенного молодого человека. – Вот, Лев Иванович, основной состав группы, которую я сформировал три дня назад, когда стало ясно, что смерть заслуженной артистки Инессы Любарской тоже является насильственной. Да, с того момента и началась наша основная работа. Теперь мы просим вас возглавить эту работу. – Полковник повернулся к своим подчиненным. – Вам, я думаю, не нужно представлять прославленного Льва Ивановича Гурова.

Четверо оперативников сели вокруг стола, и Кожемякин продолжил:

– Вчера я успел кратко изложить Льву Ивановичу основные обстоятельства дела. Но хочу подчеркнуть, что это было именно краткое изложение. Я не коснулся многих подробностей и деталей, а некоторые из них чрезвычайно важны. Мне было нужно, чтобы товарищ Гуров быстро вошел в курс дела и смог принять решение о направлениях дальнейшей работы. Так что сейчас я хочу передать слово Льву Ивановичу. Отныне он для вас – главный начальник, и он решает, что кому делать.

Взгляды присутствующих обратились на Гурова в ожидании, что он скажет. И он сказал:

– Пока что основную задачу я вижу в том, чтобы вникнуть в дело поглубже. Думаю, все вы знаете, что огромное значение имеют те самые подробности и детали, о которых говорил Илья Григорьевич. Я должен изучить каждый эпизод, познакомиться со свидетелями, с родственниками и друзьями погибших – в общем, предстоит обычный сбор информации. Думаю, этот этап займет у меня дня два. Попрошу кого-нибудь из вас составить для меня полный список таких собеседников, с адресами и телефонами.

– Я составлю такой список, – вызвался майор Ганчук.

– Хорошо. А что нужно будет в эти два дня делать вашей группе? Я вижу две очевидные задачи. Во-первых, необходимо провести повторный осмотр квартир погибших. Кто проводил осмотр в первый раз?

– Квартиры Бушуева и Востокова осматривали другие сотрудники, – ответил Ганчук. – Тогда никто из нас еще не был подключен к этому расследованию. А потом... Жилище Овчин-

никова осматривал капитан Волобуев, квартиры Зверевой и Любарской – мы с лейтенантом Полудиным.

– Понятно. Теперь поменяйтесь: пусть квартиру ученого осмотрит майор, а капитан отправится к актрисе и владелице гостиниц. И распределите, кто осмотрит дома Бушуева и Востокова. Я хочу, чтобы вы внимательно осмотрели дома тех троих, у которых, по-видимому, ничего не пропало. Неужели прямо-таки ничего? Нет ли каких-нибудь странных моментов? Вот. Это одно дело. А второе – надо проследить судьбу сокровищ, похищенных у Востокова и Зверевой. Здесь мотивы преступлений налицо: бандиты убили владельцев коллекций, чтобы завладеть ими и продать. Не на полочку же они их себе поставили? Следите, не появились ли этот фарфор и иконы на рынке. Вот вам задачи на ближайшие два дня. Пожалуй, и на больший срок хватит. Теперь я хочу спросить, нет ли у кого-нибудь из вас собственной версии случившегося? Пусть даже сумасшедшей, такой, которую вы не решаетесь высказать? Если что-то такое есть, скажите, смеяться не буду и другим не дам.

После последних слов сыщика участники группы переглянулись. Несколько минут царило молчание, и Гуров уже решил, что безумных версий ни у кого нет, но капитан Волобуев внезапно произнес:

– Я хочу сказать, товарищ полковник. Если вы не возражаете, конечно.

– Я же сказал, я готов выслушать любую версию, – настойчиво повторил Гуров. – Сейчас, на начальном этапе, когда у нас нет ни одной зацепки, можно себе позволить такую роскошь, как безумные идеи. Говори, капитан.

– Наверное, прозвучит странно то, что я сейчас скажу, – начал капитан, запинаясь и волнуясь, – но у меня из головы не выходит одно обстоятельство: все жертвы так или иначе связаны со сферой культуры. Бушуев – художник, Любарская – актриса, Овчинников – ученый, гуманитарий, Востоков и Зверева собирали произведения искусства. Что, если в нашем городе орудует маньяк, свихнувшийся на всем, что имеет отношение к культуре? Даже не маньяк, а маньячка, ведь свидетель Рубцов видел выходившую из подъезда женщину. Допустим, у этой тетки возникла мания величия, а жертвы ее не оценили. И все, готово...

– А как в эту гипотезу укладываются коллекции, похищенные у Востокова и Зверевой? – спросил Гуров.

– Да, тут у меня нестыковка, – согласился капитан. – Но можно предположить, что у этой женщины есть сообщники. И в одних случаях – с Бушуевым, Овчинниковым, Любарской – она действовала в одиночку и ничего у них не взяла, а в других – с Востоковым и Зверевой – только намечала жертвы, а исполнителями были другие.

– Фигня полная, – высказался о версии подчиненного майор Ганчук. – Известно, что среди маньяков нет женщин, там одни мужики. И потом, что это за мания величия такая? В какой области мания? В живописи? В театре? Или в изучении Древнего Китая?

– Да, тут у меня тоже нестыковка, – признал поражение капитан и скис.

Однако Гуров ободряюще взглянул на него.

– Да, как рабочая версия эта гипотеза не годится. Но мне кажется, что какое-то зерно истины в ней есть. Действительно, все жертвы имеют отношение к культуре. Это не может быть случайностью. Вполне возможно, что убийца тоже имеет отношение к этой сфере. Скажем, он неудавшийся художник. Или актер. Тут есть над чем подумать. Но чтобы думать предметно, нужно познакомиться и с художниками, и с актерами, и с учеными-гуманитариями. Так что мне нужен список, о котором я говорил... Что ж, если других безумных идей нет, я с вашего, Илья Григорьевич, позволения объявляю совещание нашей группы закрытым. Давай, майор, поднимаемся в твой кабинет, и ты мне нарисуешь нужные телефоны и адреса.

Глава 4

Спустя несколько минут в руках у Гурова был список, в котором значилось два с лишним десятка имен. Проглядев его целиком, сыщик решил начать свои поиски с самого начала, то есть с друзей художника Игната Бушуева.

На первом месте стоял друг художника, Петр Брательщиков. Кроме того, в списке были указаны две подруги Бушуева – Катя Антошкина и Люда Сайко, две бывших жены, четверо взрослых детей и еще трое друзей.

– Что ж, пусть первым будет Брательщиков, – решил сыщик и набрал его номер.

Дозвониться ему удалось не с первой попытки. В трубке он услышал звучный баритон, спрашивающий, кто его беспокоит. Гуров представился и объяснил, с чем связан его звонок.

– Но ваши, то есть наши местные пинкертонеры меня уже спрашивали, – возразил собеседник. – Все, что я знаю, я им уже рассказал. А нового с тех пор ничего не появилось.

– Мне необходимо самому выяснить все обстоятельства дела, – принялся терпеливо объяснять Гуров. – К тому же «местные пинкертонеры», о которых вы говорите, пока что топчутся на месте. Может, наша с вами беседа и не даст мне многого, но встретиться нам необходимо.

– Хорошо, хорошо, я не против, – живо отозвался художник. – Я просто предупредить хотел, чтобы вам времени не терять. А если времени не жалко и дело Игната вас и правда интересует, приходите ко мне в мастерскую. Знаете, где это? Улица Красных Комиссаров, дом двадцать три.

– Я найду, – пообещал Гуров.

Он спросил у майора Ганчука, как добраться до мастерской Брательщикова, и тот охотно объяснил дорогу. Заодно Гуров попросил выделить ему служебную машину.

– А то разъезжать мне придется много, – пояснил он. – Неудобно каждый раз вызывать такси.

Он получил в свое распоряжение сравнительно новую «Гранту», сел за руль и, следуя указаниям Ганчука, быстро отыскал мастерскую.

Мастерская художника располагалась на втором этаже старинного и довольно обшарпанного дома. Дверь была наполовину открыта, звонить и стучать не требовалось. Гуров вошел в мастерскую и попал, так сказать, на «дно жизни». Вокруг на стенах висели картины, изображающие неприглядные стороны действительности. Здесь можно было увидеть семейные ссоры, пьяные драки, бомжей, сбившихся в кучку у входа в магазин в поисках тепла и подаяния. Выписано все это было, надо сказать, талантливо, с большой силой, так что Гуров невольно задержался возле одной из картин с изображением мальчика, сидящего в квартире у окна и с тоской глядящего на улицу.

– Что, нравится? – услышал он за спиной уже знакомый баритон, который только недавно слышал в телефоне.

Обернувшись, сыщик увидел высокого, выше его самого, мужчину с характерной внешностью, выдающей человека творческой профессии, – густая борода, волосы почти до плеч. Кроме того, характерными чертами внешности художника были пронзительные синие глаза и крупные сильные руки с большими ладонями. Брательщиков был в рабочей куртке, заляпанной краской, – видно, он только что оторвался от работы.

– Да, сильная картина, – отозвался Гуров. – Могу сказать, что да, она мне нравится. Но почему все такое мрачное? Совсем не видно пейзажей. А люди у вас на полотнах сплошь несчастные и одинокие. Почему так?

– Да, березок и речушек вы здесь не увидите, – кивнул Брательщиков. – И красавиц, которые катаются на лодочках, здесь тоже нет. Красивенькие картинки пусть всякие мазилы пишут, которые выставляют свои поделки возле рынков. Я себя считаю художником, я создаю искус-

ство, а оно составляет одно целое с жизнью. Такое направление называется соцарт – может, слышали?

– Да, слышал, – ответил Гуров. – Не буду с вами спорить, я в искусстве совсем не разбираюсь, да и задачи у меня другие. Как я вам уже сказал по телефону, мне необходимо найти убийц вашего товарища Игната Бушуева и еще нескольких людей. И я надеюсь, что вы мне с этим поможете.

– Что ж, задача хорошая. Я бы эту сволочь своими руками задушил! Пойдемте присядем, я вам чайку налью, под чаек и поговорим. Вы не против?

– От чая никогда не откажусь, – ответил сыщик.

Вслед за художником он прошел в основную часть мастерской. Центральное место, как и ожидалось, занимал большой мольберт с полотном, над которым в настоящее время работал художник. И хотя Гуров только что сказал, что не разбирается в искусстве и что вообще пришел сюда не ради картин, увиденное так его поразило, что он невольно подошел к мольберту.

На полотне был изображен какой-то запущенный сад или парк. Там, в этом унылом саду, собралось несколько десятков человек – те же персонажи, которых Гуров только что видел на других картинах, висящих у входа в мастерскую. Там и бомжи с испитыми лицами, и люди внешне благополучные, но несчастные, одинокие, впавшие в отчаяние. И все они окружили коренастого бородатого человека лет сорока пяти с кистью в руке и в такой же рабочей куртке, какая была сейчас на Брательщикове. Этот человек внимательно вглядывался в окружающих людей, словно хотел как можно лучше их понять и запомнить их черты.

Гуров разглядывал полотно несколько минут, потом спросил:

– Это ведь покойный Игнат Бушуев в центре?

– Угадали, – ответил Брательщиков. – Это моя дань памяти друга – Игнат среди своих героев. Только я пока не решил, нужно ли поместить здесь и нашего общего друга Костю. С одной стороны, это было бы правильно, а с другой – может стать излишним усложнением.

– Ну, это только вы можете решить. А кто такой этот ваш общий друг Костя? И почему его нужно поместить на картину, посвященную памяти Бушуева?

– Я говорю о Косте Закатовском, – объяснил художник. – Вы ведь слышали эту фамилию?

– Кажется, слышал, – ответил сыщик. – Но больше ничего, кроме фамилии. Я же говорю, я не разбираюсь в искусстве.

– А мне кажется, вы на себя из скромности наговариваете, – подмигнул художник. – Все-то вы в искусстве понимаете, просто времени у вас нет ходить на выставки. Так вот что я вам скажу: Константин Закатовский – это фигура в современной живописи, стоявшая некогда очень высоко. Чрезвычайно высоко! Костя был старше нас с Игнатом примерно на двенадцать лет. Он начинал писать еще в прежние времена, когда, знаете, за абстрактную или просто мрачную живопись можно было срок схлопотать. Но Костя ничего не боялся, смелый был человек, земля ему пухом. И ведь к концу жизни добился признания! Теперь его картины знатоки на аукционах с руками готовы отхватить, дают за них большие деньги. Ну а поскольку Игнат – один из любимых учеников Кости, я и подумал, что было бы правильно поместить учителя рядом с учеником. Надо сказать, я ведь тоже был в числе учеников Кости... Да что же я о нем только рассказываю? О художнике лучше всего говорят его картины! У меня есть его работа. Он всем своим друзьям картины дарил. Сейчас покажу.

С этими словами Брательщиков встал, прошел в угол комнаты и достал со стеллажа небольшое полотно. Он поставил его на запасной мольберт, повернул к свету и сделал приглашающий жест. Гуров подошел и стал разглядывать картину.

Это был вид города, написанный откуда-то с высоты. Вид этот нельзя было назвать прекрасным: дымящиеся трубы какой-то котельной, обшарпанная стена старого дома на переднем плане, покосившийся забор внизу. Но все изображение целиком было проникнуто зловещей,

угрюмой силой, мощью, мрачным очарованием, так что на картину хотелось смотреть еще и еще.

Брательщиков заметил, какое впечатление произвела на гостя картина его друга и учителя, удовлетворенно улыбнулся и убрал картину на место.

– Вот такой он был, Костя Закаатовский... Впрочем, чего это я все о Косте? Вам это должно быть неинтересно. Вам нужна информация о тех людях, которые ходили к Игнату, которые могли на него зуб иметь...

– Нет, почему же? – возразил Гуров. – Рассказ о вашем общем друге и учителе как раз кстати. Я ведь хочу получить как можно более полное представление о людях, которые окружали Бушуева. Но, конечно, меня больше интересуют не умершие, а живые. Скажите, у вашего друга было много знакомых, многие к нему приходили?

– Что вы имеете в виду под «к нему» – домой или в мастерскую?

– И туда, и туда. Но больше меня интересуют те, кто приходил к нему домой, потому что убит он был именно там. А есть такие, кто приходил и домой, и в мастерскую?

– Ну, в мастерскую приходили в основном наши собраты, художники – Леша Пряничков, Слава Могильный, Володя Соломин, Катя Антошкина...

– Простите, мне говорили, что Антошкина была девушкой Бушуева.

– Ну да. Сначала она пришла к Игнату как к старшему коллеге, а потом заняла место Люды. Люда, конечно, по этому поводу жутко переживала. Это была настоящая драма.

– Переживала, говорите? То есть имела место ревность?

– Можно и так сказать.

– А не могла брошенная Люда на почве ревности возненавидеть своего бывшего возлюбленного и убить его?

На этот вопрос Петр Брательщиков ответил не сразу. Он молча разлил по чашкам свежесваренный чай, добавил кипятка и пододвинул к гостю вазочку с вареньем.

– Вот, угощайтесь, земляничное. Моя жена делала. Мы с ней любим выбраться за город, набрать ведерко земляники, сварить варенье... Ну как, вкусно?

– Да, замечательное варенье, – похвалил Гуров. – Но вы не ответили на мой вопрос.

– Да, на вопрос... Что ж, я скажу так. Людмила чувствовала себя жутко обиженной. И в последнее время добрых чувств к Игнату не питала. Насколько она его прежде любила, с той же страстью она его теперь возненавидела. Что же касается убийства... – Художник снова замолчал, задумчиво отпил чаю, потом снова заговорил: – Задумать убийство Люда, я думаю, не могла. Не такой она человек. Но если она в тот день пришла к Игнату домой, если увидела, что он стоит возле окна, и если в тот момент он сказал ей что-нибудь обидное, тогда да. Тогда она могла толкнуть его, ударить так, что он перевалился через подоконник и полетел вниз.

– Понимаю... То, что вы рассказали, очень важно. А были еще какие-нибудь люди, которые могли желать его смерти? Его бывшая жена, например?

– Нет, Лиза такое сделать не могла, – уверенно ответил Брательщиков. – Даже со злости, даже от отчаяния. Никак не могла.

– А кому достались квартира Бушуева и все его имущество?

– Этого я не знаю, я в юридических вопросах не разбираюсь, – признался художник. – Хотя думаю, что Лизе и досталось. И двум детям, конечно, Стасу и Жанне. Но это вы лучше у кого-нибудь другого спросите.

– Может, у Бушуева были враги?

Этот вопрос явно поставил Брательщикова в тупик. Он развел руками и пожал плечами.

– Игнат был, конечно, человек эмоциональный, мог о ком-то резко высказаться. Но его все любили! Вокруг него много всякого народа крутилось – десятки разных людей. Если вы захотите поговорить с каждым, кто хоть раз видел Игната, бывал у него дома или в мастерской,

вам придется месяц только этим и заниматься. Но я не могу себе представить человека, который мог бы желать Игнату смерти. Не могу, хоть вы меня режьте.

Последние слова художник произнес торжественно, словно выступал на собрании. Но вдруг выражение его лица резко изменилось – он смутился. Брательщиков нахмурился, подумал немного и произнес:

– Хотя я, возможно, не прав. Слишком хорошо хочу говорить о своих друзьях-художниках. В результате создаю у вас неправильное суждение.

– Вы вспомнили кого-то, кто находился с Бушуевым в неприязненных отношениях? – догадался Гуров. – Кто мог желать ему смерти?

– Нет, не смерти, не так... – промямлил художник. – Но... Дело в том, что один из наших общих друзей... В общем, у Славы Могильного были с Игнатом сложные отношения. Слава считает себя истинным продолжателем традиций Кости. Считает, что он, Слава, а вовсе не Игнат является духовным наследником Закатовского. А Игнат, понятное дело, над его претензиями смеялся. У них иногда до ссор доходило, и после каждой ссоры они по неделе не разговаривали. Потом снова мирились, и все шло по-прежнему. Но отношения у Славы и Игната были неровные, это точно... Но я все равно никогда не соглашусь с версией, что Слава убил Игната! Никогда не соглашусь!

Глава 5

Следующим человеком, к которому Гуров хотел обратиться, была бывшая жена Бушуева Лиза. Сыщик набрал ее номер и услышал негромкий, безжизненный женский голос. Он представился, объяснил, зачем беспокоит ее, и попросил о встрече.

– Да, я понимаю, расследование, – ответила Лиза Бушуева. – Что ж, давайте встретимся. Приезжайте в его квартиру. Я сейчас здесь вожусь, пытаюсь навести порядок. Вы знаете, где это?

Гуров ответил, что адрес у него есть, и поехал на проспект Энтузиастов.

Дверь ему открыла высокая черноволосая женщина. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что когда-то она была настоящей красавицей, поскольку до сих пор в ее лице проглядывались черты этой былой красоты. Однако это красивое лицо портило выражение тоски и неуверенности в себе.

Лиза пригласила гостя в комнату. Никакого особенного беспорядка Гуров здесь не заметил. Он ожидал увидеть множество пустых бутылок из-под вина, разбросанные вещи, но нет – в жилище Игната Бушуева все стояло на своих местах, а пустой винной тары сыщик не заметил.

Что сразу говорило о том, что в этой квартире жил художник, – это стены, увешанные картинами. Ясно, что это картины самого Бушуева. Манера у него походила на стиль его друга Петра Брательщикова, но рисунок Бушуева отличался большей четкостью, а краски – яркостью. «Занимаясь этим делом, я, глядишь, стану знатоком живописи такого рода», – подумал сыщик.

– Тут, в общем-то, все в порядке, – произнес он. – Ваш бывший супруг был, по-видимому, человеком аккуратным. И следов алкоголя я не вижу. Вы уже вынесли бутылки?

– Нет, ничего я не выносила, – ответила Лиза. – Игнат пил очень мало, в этом он старался подражать своему учителю Закатовскому – как и в живописи и во всем остальном. Вот только в супружеской верности он учителю не подражал. Константин Евгеньевич, насколько я знаю, до конца жизни хранил верность своей подруге юности Зое. А Игнат нет, он был не такой... Что касается наведения порядка – это я вам действительно ерунду сказала. Особо тут прибирать нечего. Просто я хотела понять, где что стоит, что мне надо сделать, чтобы... Понимаете, мы с Жанной еще не решили, как поделим квартиры, кто где будет жить...

– Значит, вы с дочерью уже стали наследниками покойного? – спросил Гуров.

– Нет, официально еще не стали. Но я была у юриста, и он мне объяснил, что, поскольку завещания нет, наследниками становимся мы с Жанной и Стас. Но Стас уже совсем самостоятельный мужчина, ему двадцать два года, он переехал в Москву, там работает, собирается создать семью. А мы с Жанной (ей недавно исполнилось восемнадцать) живем в небольшой квартире, в которой мы с Игнатом жили до развода. Эту квартиру Игнат уже потом купил. Так мы, наверное, переедем сюда, здесь просторнее. Картины я продам – говорят, за них можно выручить неплохие деньги.

– Скажите, а вы в последнее время часто виделись с бывшим мужем?

– Часто? – удивилась Лиза. – Да мы с ним, можно сказать, совсем не виделись. Очень редко. Не хотела я его видеть.

– А в день его смерти вы его, случайно, не видели?

Женщина понимающе усмехнулась.

– Вы намекаете, не я ли его убила? Нет, не я. И сразу скажу – я не знаю, кто бы мог это сделать. Три года назад, когда он меня бросил ради этой шлюшки, Людмилы, я и правда готова была его убить. Тогда я его люто ненавидела. А теперь перегорело. Теперь мне все равно, где он и что с ним. Я и смерть его восприняла совершенно спокойно – умер и умер... Если

вас интересует, где я была четырнадцатого марта, я постараюсь вспомнить. Сейчас не помню, извините.

– Нет, пока ничего вспоминать не нужно, – успокоил ее Гуров. – Пока я просто знакомлюсь со всеми участниками события, собираю информацию... Значит, вы говорите, за эти картины можно выручить неплохие деньги? – Гуров кивнул на стены, увешанные полотнами.

– Да, мне назвали примерную стоимость, деньги очень приличные. Правда, одной картины, самой ценной, я здесь не вижу.

Гуров насторожился:

– Вот как? А мне говорили люди, которые осматривали квартиру, что ничего не пропало.

– Ну да, они и меня спрашивали, – подтвердила Лиза. – Ваш полицейский начальник все требовал, чтобы я определила, пропало что-то или нет. А я тогда несколько взволнована была, не на все обратила внимание, вот и сказала, что все на месте. А теперь вижу – не все на месте. Картины Закатовского нет.

– У Бушуева была картина Закатовского? – удивился Гуров. – А, ну да, он же тоже его ученик, как и Брательщиков.

– Игнат был первым учеником Константина Евгеньевича, – уточнила женщина. – А Петя Брательщиков – вторым. Хотя, конечно, есть еще Слава Могильный, он себя считает первым учеником.

– А что, Закатовский всем своим ученикам дарил картины?

– Этого я не знаю, я в их художественный круг не так плотно входила, не со всеми была знакома. Но теперь за его полотна можно выручить очень неплохие деньги. За полотно Закатовского можно получить аж несколько тысяч долларов. Нам с Жанной деньги бы оченьгодились – она хочет поступать на театральный факультет, а там обучение только платное.

– А где висела эта картина?

– Вот здесь, напротив окна, на самом видном месте, – показала женщина. – А теперь здесь висит картина Игната «Пьяный вечер». Хорошее полотно, ничего не скажешь, но это все же не Закатовский. Я в прошлый раз, когда меня ваши коллеги сюда привезли после смерти Игната, не обратила внимания, что картина висит другая. Может, Игнат ее сам перевесил? Может, он ту картину продал, а вырученными деньгами расплатился за эту квартиру? Такое могло быть.

Женщина продолжала оглядывать стены, словно надеясь обнаружить пропавшее полотно. Гуров поднялся.

– Спасибо за разъяснения, – поблагодарил он женщину. – Возможно, мне надо будет с вами встретиться еще раз.

Выйдя из дома, где жил погибший Игнат Бушуев, сыщик достал телефон. У него оставалось еще несколько человек, знавших покойного, и всех этих людей он хотел опросить.

После разговоров с Петром Брательщиковым и Лизой Бушуевой у него на очереди стояла последняя подруга художника Екатерина Антошкина. Но сейчас, в свете полученных сведений, сыщик охотнее поговорил бы со Славой Могильным. Ведь если этот человек ненавидел погибшего коллегу, он становился главным подозреваемым. Однако было одно затруднение: у Гурова не было ни его адреса, ни телефона. Можно было, конечно, позвонить в управление, связаться с Ганчуком или Волобуевым, но Гуров решил пойти по другому пути. «Ладно, пусть сначала будет Антошкина, – решил он. – А у нее узнаю телефон Славы. Они все друг друга знают, наверняка у нее есть его номер». И он позвонил Антошкиной.

Он услышал в трубке приятный, слегка хриплый женский голос. Сыщик представился и объяснил причину, по которой побеспокоил юную художницу.

– Да, конечно, я готова с вами встретиться, – услышал он ответ. – Вы можете приехать ко мне?

– Домой или в мастерскую? – уточнил сыщик, уже успевший ознакомиться с обычаями художников.

В ответ женщина рассмеялась:

– У меня это одно и то же. Не заработала я себе на мастерскую, работаю дома. А живу я на Кавалерийской улице. Знаете, где это?

– Найду, – пообещал Гуров.

Район, в котором проживала Антошкина, оказался на окраине Татуева, так что сыщику понадобился почти час, чтобы туда добраться. Гуров позвонил в дверь квартиры на восьмом этаже стандартного двенадцатиэтажного дома. Дверь ему открыла девушка среднего роста с таким милым, привлекательным личиком, что сыщик сразу понял, почему Бушуев увлекся ею. Голубые глаза, красивые губы, которые непрестанно несли на себе улыбку, длинные волосы соломенного цвета – все в облике Кати привлекало внимание. Проследовав за юной хозяйкой в глубь квартиры, Гуров вспомнил, что уже видел это лицо на полотнах в мастерской Брательщикова и в квартире Бушуева. «Да, такую девушку невольно хочется рисовать, – подумал он. – И не в какой-то мрачной обстановке, а в самой веселой, жизнерадостной».

Тут он очутился в комнате, которая служила мастерской. Здесь тоже было много картин. Гуров сразу заметил разницу между дарованиями хозяйки этой квартиры и двух художников, чьи работы он видел до этого. Катя была мила, но как художник не представляла собой значительной величины. К тому же ее тянуло изображать такие же красивые объекты, как она сама – Гуров заметил несколько натюрмортов с цветами и вазами и пару пейзажей.

– Садитесь, господин полковник, – пригласила хозяйка гостя, указывая на изящное кресло. Сама она села в такое же кресло напротив – не слишком близко, но и не далеко, так, чтобы гость хорошо ее видел и всегда мог ею полюбоваться. – Да, вы сделали совершенно правильно, что первым делом пришли ко мне. Я была для Игната самым близким человеком, ближе у него никого не было.

Гуров не стал огорчать хозяйку и уточнять, что до нее он уже успел посетить двоих. Вместо этого он спросил:

– Разве друзья Бушуева – Брательщиков, Могильный, Пряничков – не были для него близкими людьми?

– Нет, что вы! – воскликнула прекрасная Катя. – Конечно, Петя был довольно близким другом, это надо признать. Но разве кто-то может быть ближе, чем любимая? Даже сравнивать смешно! Что касается Славы – тут еще надо взвесить, чего там было больше, дружбы или зависти. Мне вот кажется, что зависти. Слава ходил к Игнату, чтобы беречь эту зависть, растревлять ее. Знаете, это как иногда человек ковыряет у себя болячку. Вот так же и Слава.

– А не мог Могильный, если он так сильно завидовал Бушуеву, не выдержать и убить его? Глаза девушки, и без того большие и бездонные, еще больше расширились.

– Вы знаете, наверное, мог! – воскликнула она. – Вот вы сейчас спросили, и я поняла: конечно, мог! Он тоже человек искусства, тоже получил часть вечного огня от нашего учителя...

– Вы имеете в виду Закатовского? – уточнил Гуров.

– Да, конечно, я говорю о Константине Евгеньевиче. Слава тоже входил в число друзей учителя, как и Игнат. Но в нем, в Славе, есть что-то темное, злое. Так что он вполне способен на убийство.

– А кто еще входил в число близких людей Бушуева? Кто приходил к нему, кроме художников? Я везде слышу одни и те же имена: вы, Брательщиков, Могильный...

– Да кто только к нему не приходил! – воскликнула прекрасная хозяйка. – К Игнату, можно сказать, ходила половина города. Его талант многие ценили. Он был человеком общительным, всех привечал. Типичный экстраверт, нуждался в постоянном общении. Он и с Лизой, со своей бывшей супругой, расстался по большей части из-за ее нелюдимости.

«А эта Катя совсем не глупа, – подумал Гуров. – И довольно проницательна. Просто ум у нее специфический, женский». Вслух он спросил:

– Вы можете назвать хотя бы нескольких человек, которые заходили к Бушуеву чаще других?

– Ну, там разные люди были, – начала вспоминать Катя. – Например, был ученый – очень известный человек, его не раз по ящику показывали. Был известный адвокат, несколько деловых людей. Артисты, музыканты, врачи, журналисты. Я не знаю, кто приходил чаще других.

– А ученый, о котором вы говорите, – это, случайно, не профессор Овчинников? – уточнил Гуров.

– Может быть. Я не помню фамилии. Но точно знаю, что он очень известный.

– А такая актриса, как Инесса Любарская, приходила к вашему другу?

– Кажется, они были знакомы, но я ее у Игната никогда не видела. Близкими друзьями они не были, это точно.

– А враги у Бушуева были?

– Враги... – Прекрасная Катя задумалась. – Мне кажется, нет. Слава Могильный ему завидовал, бывшая жена ревновала, но их нельзя назвать врагами в настоящем смысле слова. Нет, Игнат был человеком, которого все любили. И он всех любил.

– Вы, кстати, снова упомянули Славу Могильного. Мне с ним тоже необходимо встретиться. Будьте добры, продиктуйте мне его адрес и номер телефона.

– Сию минуту.

Катя быстро назвала сыщику требуемые данные.

– Спасибо, Катя, за ваш откровенный рассказ, – поблагодарил Гуров, поднимаясь. – Возможно, мне еще понадобится ваша помощь, так что я не прощаюсь.

– Всегда рада вас видеть! – ответила художница.

Глава 6

Теперь ничто не мешало Гурову связаться с художником Вячеславом Могильным и выяснить, в каких отношениях он находился с погибшим Бушуевым и не причастен ли к его убийству.

Однако после разговора с Катей Антошкиной мысли сыщика приняли иное направление. Его поразили ее слова о том, что к Бушуеву часто заходил «известный ученый». Сыщик был убежден, что речь шла именно об Овчинникове. «Если так, то получается, что трое погибших – Бушуев, Овчинников и Любарская – были знакомы, – размышлял Гуров. – Интересно, как Любарская относилась к живописи, в частности к работам Бушуева? Может быть, безумная версия капитана Волобуева не так уж безумна? Может, есть связь между живописью и убийствами? Как бы это проверить? Спросить у сестры Овчинникова? Но она живет далеко и вряд ли знает об увлечениях брата. Нет, нужно расспросить друзей ученого, его сослуживцев. Придется опять звонить Ганчуку...»

Обращаться за помощью Гурову не хотелось, но делать было нечего. Николай Ганчук несколько не удивился просьбе сыщика и быстро выдал необходимые сведения.

– В случае с Овчинниковым сослуживцы и друзья – это одно и то же, – объяснил майор. – Я могу назвать двоих друзей, с которыми ученый вместе работал. Это профессор Евгений Васильевич Можайский и доцент, историк Людмила Карловна Эйдельман. При этом Можайский – практически ровесник Овчинникова, он лишь на год его старше, а Людмила Эйдельман значительно моложе, ей еще нет сорока. Она ученица обоих профессоров – Овчинникова и Можайского. Людмила Карловна одинока, воспитывает дочь-подростка. А вот профессор Можайский – почтенный семьянин, у него есть жена Ольга Анатольевна, двое дочерей и трое внуков. Вот, это практически все сведения, которые у меня имеются. Ну и, конечно, еще адреса и телефоны... Вы записываете?

Гуров записал нужные сведения. Подумав, он решил позвонить профессору Можайскому. «Он ровесник погибшего, знал его дольше и, наверное, лучше, – размышлял Гуров. – А доцента Людмилу Карловну оставлю на потом».

Однако разговор с профессором Можайским доказал сыщику, что в своих выводах он ошибся. Уважаемый специалист по Индии и Тибету, гуру санскрита и буддизма знал Овчинникова только с профессиональной стороны. Он, конечно, был осведомлен о художественных увлечениях друга, видел картины в его квартире, но сам к этим увлечениям относился с большой иронией.

– Смотрите, господин полковник, – говорил профессор. – Вот у меня есть древние персидские миниатюры. Разумеется, это копии, а не подлинники, но в нашем случае это не важно. Великие Моголы, завоевавшие Индию, принесли эти миниатюры с собой, и они стали частью индийской культуры. Посмотрите, какой совершенный здесь рисунок, какие яркие краски! Неужели пачкотня современных художников, все эти потуги авангардистов внесли что-то новое в живопись? В чем мы можем увидеть там прогресс? Я вам отвечу: ни в чем! То же самое я говорил и Федору Терентьевичу, но он и слушать меня не хотел. Нет, если вы хотите узнать о его дружбе с художниками, вам нужно обратиться к Людочке Эйдельман. Вот с ней Федор вел долгие разговоры о разных направлениях, стилях, о гуаши, акварели, мастихинах...

– А вы о чем беседовали с вашим коллегой, если не секрет? – спросил Гуров.

– Какой же тут может быть секрет? – удивился Можайский. – Мы беседовали вот об этом, об этих сокровищах духа! – Профессор обвел рукой университетский кабинет, в котором проходила их беседа. Весь кабинет был уставлен книжными шкафами, которые тянулись от пола до потолка, а за стеклами этих шкафов мерцали тома академических изданий, посвященных истории стран Востока. – Мы разговаривали в основном об истории и культуре Индии и Китая,

о западных влияниях на эту культуру. Кроме того, мы часто разговаривали о древней индийской игре – о шахматах. Федор, как и я, был страстный шахматист, имел второй разряд, когда выступал в соревнованиях. Мы могли играть и беседовать часами!

– А Овчинников никогда не интересовался такими вещами, как рыбалка или плавание? – спросил сыщик.

– Мне уже задавали этот вопрос, – кивнул профессор, – сразу после гибели Федора, когда его тело нашли в реке. Нет, никогда не интересовался. Зачем он в тот несчастный вечер отправился на реку, для меня полная загадка.

– Как я понимаю, вы не верите в версию об убийстве вашего друга? Считаете его гибель результатом несчастного случая?

– Да, именно так, – твердо отозвался ученый. – Ну скажите на милость, кому потребовалось убивать Федора? Для этого не было ни у кого никаких причин! И ваши коллеги, как я понимаю, до сих пор таких причин не нашли. Нет, безусловно, это был несчастный случай, результат какого-то помрачения... не знаю, как это назвать.

– А может быть, ваш друг хотел добровольно расстаться с жизнью? Возможно, он был тяжело болен?

Можайский энергично затряс головой.

– Нет, не думаю. Мыслящий человек иногда допускает возможность добровольного лишения себя жизни, но у Федора никогда не было таких мыслей. Он был очень здравомыслящим, трезвым человеком, и я никогда не слышал, чтобы он жаловался на какие-то болезни. Он мог, конечно, что-нибудь такое скрывать, но, кажется, ваши коллеги это проверяли и ничего подобного не нашли...

Чтобы встретиться с Людмилой Эйдельман, Гурову не пришлось никуда ехать – она работала там же, где и Можайский, только в другом корпусе.

Людмила Карловна оказалась низенькой, полной, при этом очень подвижной женщиной. Она пригласила сыщика в аудиторию, в которой обычно проводила семинарские занятия. Это была комната небольших размеров, также вся уставленная книжными шкапами.

Гуров не стал ходить вокруг да около и сразу спросил Людмилу Карловну о том, был ли ее друг Федор Овчинников связан с художниками. Доцент удивилась такой постановке вопроса.

– Дружил ли Федор Терентьевич с художниками? – переспросила она. – Разумеется, дружил! Ведь живопись была, по сути, его единственным увлечением. Конечно, если не считать его работы – истории Китая, Тибета, Монголии. Он мог часами рассуждать о различных направлениях в живописи, глубоко изучал труды по истории искусства.

– Меня интересует связь Овчинникова с художником Игнатом Бушуевым, – продолжал попытываться сыщик.

– Да, Федор Терентьевич постоянно говорил о творчестве Бушуева, был частым гостем в его мастерской. Правда, еще чаще он говорил о творчестве другого нашего великого земляка – Константина Закатовского, тут они с Игнатом Денисовичем были единомышленны, оба одинаково преклонялись перед великим мастером. Да, и надо заметить, что Федор Терентьевич входил в круг друзей Закатовского. Он и меня хотел познакомить с этим замечательным художником, но не успел – Константин Евгеньевич тяжело заболел и перестал с кем-либо встречаться. А вот с Бушуевым я была знакома, вместе с Федором Терентьевичем бывала у него в мастерской.

– Возможно, Бушуев дарил Овчинникову какие-то свои работы?

– Да, Игнат Денисович подарил Федору Терентьевичу две картины. Если не ошибаюсь, это были «Закат на Сити» и «Отец вернулся».

– Очень интересно. А Закатовский? Он, случайно, не дарил ничего вашему учителю?

Задавая этот вопрос, Гуров чувствовал, что ответ будет для него чрезвычайно важен. Он еще не знал, в чем эта важность заключается, но был убежден, что информация откроет для следствия что-то новое.

Людмила Эйдельман подумала несколько секунд, затем ответила:

– Да, был такой подарок. Портрет самого Федора Терентьевича. Закатовский редко писал портреты, но Овчинникова очень уважал и сделал для него исключение. Я видела эту работу в кабинете Федора Терентьевича.

– А где именно в кабинете Овчинникова висела эта картина? Или она не висела, а он хранил ее где-нибудь?

– Что вы, Федор Терентьевич очень ценил этот подарок! Картина висела на почетном месте, слева от стола. Да, я хорошо помню, портрет работы Закатовского всегда висел на этом месте.

– Становится все интереснее... – задумчиво произнес сыщик. – Скажите, а вы, случайно, не знаете других людей в вашем городе, которым Закатовский дарил свои картины?

– Нет, не знаю. – Людмила Карловна покачала головой. – Все же я не настолько была вхожа в круг друзей Закатовского. Но я уверена, что такие люди есть, поскольку его ученик Игнат Бушуев дарил друзьям картины. И если это так, эти люди стали настоящими «хранителями вечности».

– И, кажется, эти картины – и Бушуева и Закатовского – хорошо продаются? За них платят хорошие деньги?

– Да, в последние годы наши татуевские художники вошли в моду, – согласилась доцент Эйдельман. – Я слышала, что за полотна Бушуева платят тысячи долларов, а работы Закатовского стоят еще на порядок дороже. Но лет тридцать назад, когда Закатовский находился на вершине своего творчества, он не мог за свои полотна выручить буквально ничего. Он работал за копейки, расписывал панно во Дворце пионеров.

– Теперь мне хотелось бы расспросить вас об обстоятельствах смерти Овчинникова. Он вам не говорил, что собирается пойти на реку?

Людмила Карловна медленно покачала головой:

– Нет, не говорил. Для меня случившееся с Федором Терентьевичем – полная загадка.

Гуров вспомнил, что всего час назад он слышал буквально те же самые слова от Евгения Можайского.

– Разумеется, Федор Терентьевич любил гулять, – продолжала Людмила Эйдельман. – Но в парках и скверах, здесь, в городе. Я не помню, чтобы он когда-нибудь выражал желание выехать за город, на природу.

– Но художники, которых так любил Овчинников, как раз любят работать на природе, – заметил сыщик. – А не могли они его пригласить с собой?

– Пригласить? – удивилась Людмила Карловна. – Но кто мог его пригласить? Насколько я знаю, Федор Терентьевич дружил только с Закатовским и Бушуевым. И оба они к тому проклятому дню в июне, когда погиб Овчинников, были мертвы.

– Может быть, вы знаете не обо всех контактах вашего друга и учителя? – предположил Гуров. – Ведь в городе есть и другие художники. Вы никогда не слышали от Овчинникова таких фамилий, как Могильный, Пryanчиков, Соломин? Или, например, Антошкина?

– Нет, никогда... – начала было Эйдельман, но вдруг осеклась. – Знаете, я вдруг вспомнила, что Федор Терентьевич действительно несколько раз упоминал эту фамилию, которую вы только что назвали. Да, он говорил, что видел у Бушуева его друга, Могильного. Да, да, Славу Могильного. А вот остальных – нет, об остальных он никогда не говорил...

– Скажите, а Федор Терентьевич не был подвержен приступам забывчивости? Внезапной потери памяти или ориентации? Не мог он впасть в такое состояние и уехать на реку, не понимая, что делает?

– Нет, не мог, – твердо заявила Людмила Эйдельман. – У Федора Терентьевича никогда не было приступов. Его сознание всегда оставалось ясным. И он никогда – слышите, никогда! – не смог бы покончить с собой. Он любил жизнь, любил свою работу. Его убили. Кто, почему,

из-за чего – этого я не знаю. Но я убеждена, что мой учитель был убит. Найдите его убийц, прошу вас! Они должны понести заслуженное наказание!

– Я постараюсь сделать для этого все, – сказал Гуров, вставая. – Спасибо вам, Людмила Карловна. Вы нам очень помогли.

Глава 7

Теперь точно ничто не могло помешать Гурову набрать номер художника Славы Могильного и выяснить, как тот на самом деле относился к своему собрату по кисти и полотну Игнату Бушуеву!

Сыщик достал телефон и заодно взглянул на часы. Оказалось, что беседы с Петром Брательщиковым, Лизой Бушуевой, прекрасной Катей Антошкиной, профессором Можайским и доцентом Эйдельман заняли почти весь день. Часы на телефоне показывали уже пятый час, день клонился к вечеру, а между тем Гуров за все это время даже не вспомнил о еде. Зато вспомнил завет своего друга Стаса Крячко: никогда, даже в разгар следственных действий, не забывать о еде! И хотя Крячко сейчас рядом не было, Гуров решил выполнить его завет и двинулся по улице в поисках кафе.

Подходящее заведение вскоре нашлось, и даже лучше, чем кафе, – это была «Пельменная». То, что сыщику и требовалось! Он взял сразу две порции горячих пельменей, салат, стакан чая и сел за столик в углу зала.

Утоляя голод, он обдумывал мысль, которая пришла ему в голову во время разговора с Людмилой Эйдельман. Мысль касалась картин местной знаменитости, упоминаемого всеми собеседниками сыщика художника Закатовского. Собственно, обстоятельств, обративших на себя внимание Гурова, было два. Даже три. Первое: оба погибших, и Бушуев и Овчинников, имели у себя картины именитого живописца. Второе: бывшая жена Бушуева Лиза не нашла такую картину в квартире бывшего мужа, то есть подарок, видимо, пропал. И третье: картины Закатовского сейчас ценятся очень высоко, стоят тысячи долларов.

«Интересно, а портрет, подаренный Овчинникову, еще на месте? – размышлял сыщик. – Этот момент необходимо срочно проверить». И он в третий раз за день набрал номер майора Ганчука.

– Слушай, майор, – сказал он, – ты сейчас, случайно, не в квартире Овчинникова находишься?

– В ней самой и нахожусь, – ответил Ганчук. – Правда, я уже собирался уходить. Предупреждая возможный вопрос, сразу скажу: ничего нового я не обнаружил. На двери есть следы взлома, ломали, по-видимому, небольшим топориком. Но в квартире нет следов обыска или грабежа.

– Зайди, пожалуйста, в кабинет и посмотри на стену слева от стола. Что ты там видишь?

– Ну-у... Я вижу кашпо с цветком... Цветок уже совершенно завял – его, бедного, несколько месяцев не поливали... Еще вижу какую-то китайскую гравюру и фотографии двух китайцев.

– И что, там нет никакой картины маслом? Там должна висеть картина.

– Нет, никакой картины здесь нет.

– А что висит на самом видном месте, в центре стены?

– Да вот один из китайцев и висит.

– Осмотри внимательно всю стену, сантиметр за сантиметром. Возможно, найдешь какой-нибудь винтик, или гвоздик, или кронштейн, на котором раньше что-то висело. Когда закончишь осмотр, позвони мне.

Дав указание, Гуров вернулся к порядком остывшему чаю. Однако допить его он не успел – раздался звонок.

– А ты прав, Лев Иванович. Действительно, ближе к окну имеется винтик. Там явно что-то висело – обои немного выцвели.

– Если ты возьмешь китайское фото, которое висит сейчас в центре, и приложишь его к этому выцветшему пятну, то они совпадут, – сообщил Гуров. – Это фото раньше висело у окна.

– А что же висело в центре? – поинтересовался Ганчук.

– В центре висела картина работы Константина Закатовского – портрет хозяина квартиры, профессора Овчинникова. Такой портрет, как мне объяснили, может стоить несколько тысяч долларов. И этот портрет был украден неизвестным, который взломал дверь.

– И этот же неизвестный, скорее всего, столкнул профессора в реку! – воскликнул майор. – Так вот причина, по которой был убит востоковед!

– Да, теперь мы знаем мотив этого преступления, – согласился Гуров. – Скорее всего, и остальные убийства связаны с похищением картин. У Бушуева точно имелось полотно Закатовского, и сейчас его бывшая жена не может эту картину найти. Так что твой капитан в чем-то оказался прав: все эти преступления связаны с искусством. Теперь слушай, майор, новое задание: необходимо срочно установить, у кого еще в городе есть или были раньше картины Закатовского. Всех до одного нужно установить! К вечеру у меня должен быть полный список владельцев этих полотен.

– Сделаем, прямо сейчас этим займусь. Но одного человека можно назвать уже сейчас: такая картина была у актрисы Любарской. Я сейчас позвоню Волобуеву, он как раз осматривает жилище актрисы. Спрошу, видел ли он там подобное полотно. И пусть потом поговорит с друзьями Любарской, спросит, была ли такая картина у нее в собственности.

– Нет, друзьями Любарской я займусь сам, – возразил Гуров. – А капитан пусть проверит квартиры Востокова и Зверевой. Вечером, часов в девять, встречаемся у тебя в кабинете, обсудим полученную информацию. Нам будет что обсудить.

Гуров убрал телефон и достал список, полученный утром от Ганчука. Среди близких друзей Инессы Любарской значились три фамилии: художественного руководителя драматического театра, где работала актриса, Леонида Мамонтова, режиссера того же театра Олега Сергеева и заведующей литературной частью Клавдии Соболев. «Времени до вечернего совещания у меня не так много, всех троих я не успею опросить. Кого же выбрать? Соображения субординации требуют начать сверху, то есть с руководителя театра, но что-то мне подсказывает, что этот Леонид Мамонтов не был близким человеком для актрисы. Нет, начну-ка я лучше снизу, с Клавдии Соболев. И если время останется, побеседую с режиссером Олегом Сергеевым».

Выработав такой план, он снова достал телефон и набрал номер Клавдии Соболев. В трубке он услышал женский голос, который довольно высокомерным тоном произнес:

– Кто это? Я слушаю!

«Наверное, заведующей литчастью надоели всякие графоманы, которые предлагают ей свои пьесы», – подумал сыщик. Он представился и объяснил цель своего звонка. Голос в трубке сразу изменился, причем весьма резко.

– Да, конечно, я буду рада вас видеть! – воскликнула Клавдия Соболев. – Я готова помочь найти убийц Инессы! Вы можете подойти ко мне в театр?

– Да, сейчас буду, – пообещал сыщик.

Спустя двадцать минут он вошел в театр и спросил, как ему найти заведующую литературной частью. Его провели на второй этаж, где располагались кабинеты театрального руководства.

Когда проходили центральный холл, в глаза сыщику бросился висящий на стене женский портрет в траурной рамке. Гуров догадался, что это портрет Инессы Любарской. «Что ж, в театре, как видно, переживают смерть своей актрисы», – подумал сыщик.

В небольшом кабинете, стены которого были увешаны разного рода театральными фотографиями, навстречу Гурову поднялась женщина лет сорока пяти – Клавдия Соболев. Она предложила гостю кресло и села сама.

– Хорошо, что смерть Нюси расследует такой квалифицированный человек! Может быть, вы сможете найти убийц. Пока что нашим местным сыщикам это не удастся. Вот уже второй человек из мира искусства гибнет, а зло остается безнаказанным!

– А кого вы считаете первым погибшим? – поинтересовался Гуров.

– Разумеется, художника Игната Денисовича Бушуева! – ответила Соболев.

«Ну да, историк Овчинников не принадлежал к числу людей искусства, поэтому она его не считает», – подумал Гуров. А вслух сказал:

– Да, конечно, уже вторая смерть... Мне нужно задать вам несколько вопросов, чтобы прояснить обстоятельства гибели вашей подруги. Ведь вы с Любарской были подругами?

– Да, разумеется!

Гуров про себя отметил эту приподнятую манеру разговаривать: хозяйка кабинета не просто говорила, а все время восклицала.

– Значит, вы ее хорошо знали, – заключил сыщик. – В таком случае вы, наверное, сможете мне сказать, что заставило вашу подругу поздно вечером двадцать первого сентября отправиться в такое глухое место, как Черная скала?

Клавдия Соболев ответила на вопрос не сразу. Было заметно, что она пребывает в затруднении. Затем она широко развела руками и произнесла:

– Трудный вопрос! Может быть несколько причин. Например, Нюся могла туда пойти, чтобы полюбоваться красками заката. А еще ей могли в этом месте назначить свидание, ведь место довольно романтическое.

– А что, у Инессы Васильевны были поклонники? – удивился Гуров. – Но, насколько я помню, вашей подруге было уже около шестидесяти...

– У женщин, чтоб вы знали, не существует возраста! – высокомерно заявила заведующая литчастью. – По крайней мере, над людьми искусства возраст не властен. И я могу вас заверить, что рядом с Инессой всегда находились мужчины, влюбленные в нее! Так что могло иметь место свидание. И, наконец, она могла прийти в это место, потому что там любил творить такой великий художник, как Константин Закатовский!

– Вот как?! – воскликнул Гуров и поймал себя на том, что тоже начал разговаривать восклицаниями, совсем как хозяйка кабинета. – Закатовский любил бывать на Черной скале? И Любарская об этом знала?

– Да, да и еще раз да! Константин Евгеньевич не раз бывал на Черной скале! Это было его любимое место в городе! Три или четыре картины Закатовского точно созданы в том глухом углу! И конечно, Нюся не могла этого не знать, ведь одну из этих картин Закатовский подарил ей!

– У Любарской есть картина Закатовского?! – снова воскликнул сыщик.

– Да, Константин Евгеньевич дружил с Нюсей. Он написал ее портрет – поместил ее фигуру на полотне «Над Ситью» – и еще подарил ей одно из своих полотен.

– А как называется эта картина, вы знаете?

– Еще бы мне не знать, ведь я присутствовала при акте дарения! Полотно называется «Расставание», на нем изображен как раз тот вид, который открывается с Черной скалы. Вид вечернего города, который погружается во тьму! Так что Нюся могла прийти туда, чтобы воочию увидеть тот пейзаж, которым вдохновлялся Константин Евгеньевич!

– Очень интересно... Просто очень интересно! А теперь давайте вернемся немного назад. Вы сказали, что вашей подруге могли назначить свидание на Черной скале. Вы знаете, кто мог назначить свидание?

– Ну, разумеется, я знала поклонников Нюси! По крайней мере, троих. Самым давним и самым преданным ее поклонником был, конечно же, Оссер...

– Кто-кто? – переспросил Гуров. – Оссер? Какое необычное имя!

– Ну, это не совсем имя, – пояснила хозяйка кабинета. – Это прозвище. Речь идет о нашем театральном режиссере Олеге Сергеевиче Сергееве. Весь театр знает, что он с давних времен безнадежно влюблен в Инессу!

– Безнадежно? Почему?

– Трудно сказать. Олег – человек, безусловно, талантливый, видный, он на восемь лет моложе Инессы. Но почему-то никогда не пользовался у нее успехом... Еще один человек, испытывавший к Нюсе трепетные чувства, – наш новый актер Дима Лопахин. Он еще моложе Олега, разница в возрасте с Инессой составляет десять лет. А вот Игорь Моржов, наоборот, человек возрастной, ему уже шестьдесят семь.

– Кто такой Моржов? Тоже актер?

– Нет, Игорь скрипач, он играет в нашем оркестре. Да, вот с кем-то из этих троих Нюся, вероятно, могла отправиться на Черную скалу.

– Значит, кто-то из них и стал ее убийцей, – заключил Гуров. И, увидев недоумение на лице Клавдии Соболев, пояснил: – Установлено, что ваша подруга не погибла при падении со скалы, а была убита уже после падения. Скорее всего, это сделал человек, который столкнул ее в пропасть, он потом спустился и довершил начатое.

– Нет, этого не может быть! – воскликнула хозяйка кабинета. – Никто из них троих не способен на убийство! Конечно, все люди временами впадают в некое темное состояние, совершают странные поступки, но чтобы Олег, Дима или Игорь пошли на такое – я не могу в это поверить!

– Не буду вас разубеждать, – ответил Гуров. – А скажите, кроме троих названных вами мужчин, нет никого, кто мог ухаживать за Любарской или просто общаться с ней?

– Да, могли быть и другие люди. Нюсю всегда окружало множество людей, она любила мужское внимание! Там были самые разные люди: музыканты, журналисты! Помню, был даже какой-то народный целитель, лечащий травами и наложением рук. Но имен я не знаю.

Беседа с Клавдией Соболев оказалась весьма плодотворной. Пока что этот разговор дал ему больше материала для дальнейших поисков, чем предыдущие встречи. Можно было и дальше продолжать разговор с ней, но пришло время отправиться на совещание в кабинет майора Ганчука. Сыщик поднялся и поблагодарил хозяйку кабинета.

Глава 8

Часы показывали уже половину десятого, когда Гуров вошел в кабинет Ганчука. Кроме самого майора, там находился капитан Волобуев.

– Ага, вижу, группа почти вся в сборе, – сказал Гуров. – Только лейтенанта не хватает. Где он?

– Александр в данный момент заканчивает осмотр квартиры Ирины Зверевой, – ответил Ганчук. – Когда закончит, подъедет.

– Хорошо, подключится потом. Начнем с капитана. Удалось обнаружить в квартире Любарской картину Закатовского?

– Нет, товарищ полковник, картины там нет, – четко ответил Волобуев. – Но поскольку Николай Васильевич мне сказал, что она там должна быть, я стал искать ее следы. И нашел их.

– Вот как? – откликнулся Гуров. – И какие?

– Я нашел раму от картины, она была спрятана на лоджии за нагревателем. Не очень-то ее и прятали, я за полчаса нашел.

– А почему ты решил, что рама именно от похищенной картины? – полюбопытствовал сыщик. – Может, Любарская купила раму, чтобы потом в нее что-нибудь вставить.

– Это было легко установить, потому что картина из рамы была не вынута, а вырезана. Резали ножом, часть холста осталась зажатой в раме. Я доставил раму сюда, в управление, отдал криминалистам. Они ее изучают. К завтрашнему дню обещали сказать, какая картина была вставлена.

– Отличный результат, капитан! – похвалил оперативника Гуров. – Теперь хотелось бы услышать о данных, которые удалось собрать о владельцах картин Закатовского. Как, майор, ты собрал такие данные?

– Ну, дело было не такое простое, и времени в моем распоряжении было не так много... – вяло начал Ганчук, а затем закончил уже совершенно другим, бодрым тоном: – Но, несмотря на эти обстоятельства, я нужные данные собрал. Хотя, возможно, не в полном объеме. Надо проводить дополнительные изыскания, беседовать с музейщиками, с людьми, которые занимаются продажей картин...

– Я понял твои объяснения и, можно сказать, принял, – заявил Гуров. – Давай свой неполный список.

Ганчук продолжил:

– Итак, к данному моменту мне удалось установить шестнадцать адресов, по которым в городе хранятся или хранились раньше картины Константина Закатовского. Самое крупное собрание находится в нашем художественном музее, он приобрел у художника при его жизни три полотна и еще две картины купил у наследников живописца. Итого у них пять полотен. Столько же полотен осталось у наследников Закатовского. Еще четырнадцать картин находятся в частных собраниях.

– Много же у этого художника было друзей! – воскликнул Гуров. – Четырнадцать человек, которым он подарил свои картины просто так!

– Не совсем верно, Лев Иванович, – поправил его Ганчук. – Как я выяснил, Закатовский подарил картины лишь семерым. Еще трое его картины купили, это наши местные предприниматели, довольно богатые люди: Игорь Терентьев приобрел два полотна, Иван Трутнев – тоже два, Виталий Берман – три.

– Так-так-так... – задумался Гуров. Он глядел куда-то в угол, осмысливая информацию. – Стало быть, семь полотен хранятся у весьма состоятельных людей, за семью замками, под надежной охраной. И еще семь полотен – у людей, близких к Закатовскому, людей небогатых. И пятеро из этих людей были убиты...

– Нет, и тут неточность, Лев Иванович. Я пока еще не выяснил, насколько близки были к Закатовскому Востоков и Зверева, но все, с кем я разговаривал, отрицают, что художник что-то им дарил. Никто не видел у них картин. Нет, получатели картин – другие люди. Помимо Бушуева, Овчинникова и Любарской, я выявил еще четырех человек, которые получили подарки от художника. Это дирижер симфонического оркестра Леонид Ярский, редактор газеты «Северный вестник» Владимир Гришин, краевед Максим Точилин и органистка Татьяна Варенникова.

– Вот оно что... – протянул Гуров. – Если Востоков и Зверева не имели у себя картин Закатовского, стало быть, его картины не обязательно несут смерть их владельцу... Или все-таки обязательно?

В этот момент дверь кабинета открылась, и вошел, вернее, вбежал лейтенант Полудин.

– Я не опоздал? Я спешил изо всех сил! Хотел закончить обыск у Зверевой.

– И как, закончил? – спросил у него Гуров, оторвавшись от своих раздумий.

– Да, осмотрел все самым тщательным образом, – ответил Полудин. – Обнаружил пропажу еще нескольких ценных вещей, которые не вошли в опись при первом осмотре.

– А картину художника Закатовского ты, случайно, там не нашел? – спросил Ганчук.

– Нет, Николай Васильевич, картин у Зверевой не было, это я точно выяснил. Она собирала только иконы, и то старинные. Даже работы восемнадцатого, а тем более девятнадцатого века не брала. А к картинам современных художников вообще относилась с презрением.

– Очень интересно, очень... – протянул Гуров. Он встал, прошелся по кабинету из угла в угол, потом остановился перед участниками совещания и произнес: – Кажется, нам нужно пересмотреть картину здешних преступлений, которая у вас сложилась. Мы ошиблись, когда объединили все убийства в одно дело. У нас не одна серия убийств, жертвами которой стали пять человек, а две разные серии. В одном случае жертвами стали художник Бушуев, историк Овчинников и актриса Любарская. Здесь преступник постарался замаскировать убийства, представить их как несчастный случай или самоубийство. И даже когда следствие пришло к выводу, что имеет дело не с суицидом, не со случайным падением из окна или с обрывом, а с убийствами, оно никак не могло нащупать мотив. Теперь мы этот мотив знаем: убийца охотился за картинами Константина Закатовского, подаренными этим людям. Картины явились маркерами жертв. Как сказала знакомая одной из жертв, эти люди стали «хранителями вечности». А я ее перефразирую: эти люди стали «хранителями смерти»!

– Да, ты прав, Лев Иванович! – воскликнул майор Ганчук. – Но это означает, что и над остальными владельцами подаренных картин нависла опасность. Мы должны их предостеречь. Может быть, организовать им охрану.

– Да, Николай Васильевич, ты тоже прав, – согласился Гуров. – Но охрана – это, пожалуй, мера преждевременная. А вот предупредить людей надо. Надо встретиться с ними и обрисовать им ситуацию. Пугать людей, конечно, не надо, но предостеречь нужно, чтобы они не отправлялись с малознакомыми людьми в глухие места.

– Да, но Игнат Бушуев погиб не в глухом месте, а в собственной квартире, – напомнил Волобуев. – И его убийца был ему, скорее всего, хорошо знаком.

– Да, этот эпизод выпадает из общего ряда. Но все же эти «хранители» сильнее рискуют погибнуть, отправившись куда-нибудь на реку или на скалу. Так что надо встретиться со всеми и предупредить о возможной опасности. Кто там в твоём списке, майор?

– Сейчас повторю. Значит, картины в подарок от Закатовского получили, помимо погибших, дирижер Ярский, органистка консерватории Варенникова, редактор газеты Гришин и краевед Точилин.

– Итого четверо, – заключил Гуров. – И нас тоже четверо. Давайте распределим их между собой. Я, пожалуй, возьму себе редактора газеты. Мой опыт подсказывает, что от журналистов можно получить очень интересную информацию, которой не располагает полиция. Я не раз

в своих расследованиях получал помощь от журналистов. Ты, Николай Васильевич, возьми себе дирижера, капитан – краеведа, а лейтенант, как самый молодой, пусть встретится с органисткой. Сейчас, – сыщик взглянул на часы, – всего одиннадцать, время еще детское, можно и сегодня провести эти встречи.

– А других людей, хранящих у себя картины Закатовского, мы разве не будем предупреждать? – спросил капитан.

– Кого ты имеешь в виду? – не понял Гуров.

– Я имею в виду тех, кто не получил картины в подарок от художника, а купил их, – объяснил Волобуев. – Разве им ничего не угрожает?

Гуров подумал, потом решительно ответил:

– Пожалуй, ты прав. Конечно, они все люди состоятельные, их дома охраняются, но ведь они коллекционеры. А значит, люди, увлеченные живописью. Значит, их можно обмануть, сплести какую-нибудь историю, выманить их в глухое место. Да, давайте их тоже предупредим. Кто там у нас?

– Трутнев, Терентьев и Берман, – перечислил Ганчук. – Я, с твоего позволения, Лев Иванович, взял бы на себя Игоря Викторовича Терентьева – я с ним знаком, вместе на охоту ездили.

– В таком случае я беру на себя... как его, Трутнев? Кто он, как зовут, номер телефона? Выдай, Николай Васильич, полную информацию.

– Держи, Лев Иванович, – сказал Ганчук, кладя перед сыщиком визитку. – Иван Никитич Трутнев, владелец сети салонов по продаже автомобилей. Один из богатейших людей нашего города. Живет в собственном доме в поселке Холмы – это очень престижный район.

– Понял, Николай Васильич, – ответил Гуров, записав полученные сведения в блокнот. – Третьего коллекционера, Бермана, наверное, возьмет на себя капитан?

– Я не против, – отозвался Волобуев. – Только я слышал, что Берман строго соблюдает режим, ложится спать рано. Сейчас он уже точно спит. Было бы, наверное, неправильно будить такого человека, только чтобы сообщить, что ему, возможно, кто-то может угрожать. Можно, я завтра утром его навещу? Не думаю, что за ночь с ним что-то может случиться.

– Ну да, скорее всего, с нашими миллионерами ничего не случится, – согласился Гуров. – Но завтра утром это дело должно быть закончено. И закончить его нужно до девяти утра, потому что в девять мы проведем еще одну встречу, чтобы наметить новый план работ.

– Я успею, – пообещал Волобуев. – Я знаю, что Берман встает очень рано и совершает пробежку в ближайшем лесу. Там я его и встречу.

– Прекрасно совершить утреннюю пробежку с миллионером, – заметил Гуров. – Сам будешь жить как миллионер. Да, чуть не забыл! Тебе, Николай Васильевич, нужно срочно сделать еще одно дело.

– Какое же?

– Срочно свяжись с Интерполом и подключи их к нашему расследованию.

Майор растерянно поглядел на сыщика.

– Ты что, шутишь, Лев Иванович? При чем тут Интерпол? Наш Татуев – и вдруг за граница. Что у нас общего?

– Есть общее, и это картины Константина Закатовского, ставшие причиной убийства трех человек. Теперь мы знаем, что убийца убивал своих жертв, чтобы завладеть этими полотнами. А зачем они ему? Чтобы в кабинете повесить? Нет, он будет стараться их продать. И продавать будет за рубеж – там дадут гораздо больше. Так что свяжись с бюро Интерпола, обрисуй ситуацию, перечисли все пропавшие картины. Пусть они следят за всеми транзакциями, может, что и засекут.

– Да как же я свяжусь, Лев Иванович? – взмолился Ганчук. – Я и английского языка-то не знаю!

– Составь представление, отдай его начальнику управления. А он найдет человека, который сможет все это перевести, – объяснил Гуров. – Телефон для связи... ладно, давай мой, пусть мне звонят, если что... Срочно, Николай Васильевич, это дело нельзя откладывать!

Глава 9

Поскольку Гурову предстояло встретиться с двумя людьми, следовало выбрать, с кого начать. Сыщик решил начать с владельца автомобильных салонов. «Редакторы газет, как правило, люди ночные, спать ложатся после полуночи. С Владимиром Гришиным я еще успею встретиться. А богач Трутнев уляжется спать, отключит звонок, и его потом пушками не разбудишь. Лучше я с ним сперва встречусь».

Сыщик вбил в навигатор адрес и поехал в Холмы. Ехать пришлось не очень долго, так что часовая стрелка еще не подошла к двенадцати, когда Гуров остановился перед забором, окружавшим помпезный дом Ивана Трутнева.

Он ожидал, что на звонок выйдет охранник, однако не вышел никто. Из динамика, вделанного в калитку, послышался недовольный голос, явно принадлежащий пожилому человеку:

– Кто там?

– Полиция. Полковник Гуров.

Наступила пауза. Спустя две минуты, когда сыщик уже решил, что ему никто не откроет, калитка открылась, и перед Гуровым предстал мужчина шестидесяти лет в пижаме и шлепанцах. Похоже, это был сам хозяин дома, бизнесмен Иван Никитич Трутнев. Вид у него был не сердитый, а скорее встревоженный и испуганный.

– Вы по какому вопросу? – осведомился он. – Если какие-то претензии по налогам или по чему-то такому, присылайте повестку, я приду с документами и будем предметно разговаривать.

– Нет, Иван Никитич, – поспешил успокоить Гуров хозяина дома. – Лично к вам у меня нет никаких претензий. И у других сотрудников полиции, насколько я знаю, тоже нет. Я хотел с вами побеседовать как с коллекционером живописи, в частности, картин Константина Зака-товского. Спросить ваше мнение по некоторым вопросам, а заодно сообщить кое о чем.

Лицо Трутнева разгладилось, теперь он уже не выглядел испуганным.

– Поговорить о картинах? Странное времяпрепровождение для полковника полиции, тем более в полночь. Но раз пришли, заходите. Давайте побеседуем о живописи. Среди моих знакомых не так много людей, с которыми я могу поговорить на эту тему.

Хозяин дома отступил в сторону, давая гостю войти, запер за ним калитку, а затем повел к дому. Идя вслед за ним, Гуров обратил внимание на то, что весь дом погружен во тьму, светит только одна лампа над входной дверью. «Кажется, я его все-таки разбудил, – заключил сыщик. – Неудобно получилось...» И он сказал:

– Вы уж меня извините, Иван Никитич, что я вас побеспокоил в столь позднее время. Я надеялся, что вы еще не ложились...

– Раньше я действительно ложился поздно, иногда за полночь, – не оборачиваясь, ответил хозяин. – Но теперь как-то...

Он не договорил, потому что на втором этаже открылось окно, и женский голос спросил:

– Ваня, что там? Что случилось? Беда с Лизой?

– Нет, Танюша, ничего не случилось, совсем ничего! – поспешно ответил Трутнев. – Просто один деловой партнер зашел – поздний визит. Коротко с ним переговорим. С Лизой все в порядке, она спит. Не стой у окна, вдруг простудишься – ветер такой холодный! Ложись, Танюша, я скоро тоже приду!

– Хорошо. Я и правда лягу, мне что-то...

Не договорив, она закрыла окно. Весь эпизод не занял и двух минут, однако Гуров сделал из него сразу несколько выводов. Он отметил, с каким страхом говорила женщина, оценил слова про Лизу (скорее всего, дочь Трутневых) и поведение хозяина. «У них какая-то беда, –

сделал вывод сыщик. – С дочерью, и не только. Кажется, с женщиной, с Татьяной, тоже нехорошо. Им сейчас явно не до живописи».

Они поднялись на крыльцо и вошли в дом. Хозяин включил одно бра на стене, и в слабом свете этого бра Гуров смог оглядеть холл. Когда-то этот холл выглядел роскошно: пол покрывает мраморная плитка, на стенах – несколько картин, повсюду цветы. Однако, несмотря на плохое освещение, сыщик успел заметить толстый слой пыли на полу. А еще он заметил, что многие цветы завяли – видно, за ними давно не ухаживали.

Они прошли в гостиную, и здесь Гуров увидел такое же запустение. Гостиная большая, можно устраивать приемы. С потолка свисают светильники самых причудливых форм, у стены стоят несколько скульптур, и на стенах тоже висят картины. Но, очевидно, никаких приемов здесь давно не устраивали: на полу валяются бумажки и мелкий мусор, на дорожках кожаных креслах и диванах в беспорядке свалены подушки и чья-то одежда, а из всех светильников хозяин почему-то включил только лампу, стоящую на низком столике.

– Присаживайтесь, – пригласил хозяин, сняв с одного кресла чье-то пальто, а с другого – две подушки, на которых сыщик успел разглядеть подозрительные коричневые пятна. – Спрашивайте, что вы хотели узнать. Только я надеюсь, что наша беседа не очень затянется – жена беспокоится, когда меня нет рядом.

– Я постараюсь все сказать как можно короче, – заверил Гуров. – Речь идет о картинах Константина Закатовского. Насколько я знаю, вы приобрели две картины этого художника.

– Да, вас правильно проинформировали. Я приобрел два полотна в свое время.

– А можно их увидеть? – попросил сыщик.

– Ну да... – Ответ Трутнева прозвучал как-то неуверенно. – Пройдемте к той стене.

Гуров полагал, что теперь-то хозяин включит верхний свет, но Трутнев включил только слабое бра. Хозяин и гость подошли, и Гуров увидел картину.

– Вот, это и есть мой Закатовский. Картина называется «Встреча».

– А где же второе полотно? – продолжал интересоваться Гуров.

– Второе... – Трутнев вздохнул. – Вторая картина, «Расставание», висит наверху, у жены. Понимаете, она никак не хочет расставаться с этим полотном, вот я и перевесил его в ее спальню. Вы же не пойдете туда в такое время?

– Нет, конечно, – заверил его Гуров. – Значит, вы приобрели две тематически связанные между собой картины, диптих?

– Ну да, – кивнул Трутнев. – А вы, оказывается, разбираетесь в живописи! Да, я купил диптих. Я, как только его увидел, сразу решил: эти картины будут моими! И добился-таки своего!

– А где вы их увидели? Вы контактировали с наследниками художника?

– Нет, не с наследниками. Я эти полотна приобрел еще пять лет назад у самого Константина Евгеньевича. Пришел к нему в мастерскую, увидел их и сразу решил. Долго же мне пришлось его уламывать! Закатовский не любил расставаться со своими полотнами, почти ничего не продавал. Но я все-таки его уговорил.

– Видимо, не только вы сумели уговорить живописца, – заметил Гуров. – Насколько я знаю, у вашего земляка Терентьева тоже имеются два полотна Закатовского. А у Виталия Бермана – целых три.

– Верно, – кивнул Трутнев. – Только они свои полотна приобрели совсем недавно, уже после смерти Константина Евгеньевича. Они покупали как раз у наследников, за настоящую рыночную цену, за доллары. А я купил, можно сказать, по символической цене. Ведь он, Константин Евгеньевич, совсем не рыночный человек был, не знал настоящей цены своих полотен. Я же говорю: он их почти не продавал.

– Не продавал, зато дарил, – заметил Гуров. – Я слышал, он охотно дарил картины разным людям.

– Да, было такое дело... – протянул Трутнев и замолчал. Очевидно, он не хотел продолжать разговор о подаренных картинах, но сыщик пришел поговорить именно о них.

– Надо сказать, я пришел к вам как раз в связи с этими людьми, которым Закатовский подарил свои полотна. Дело в том, что трое получателей в этом году погибли, я как раз расследую обстоятельства их смерти. Мы проверяем всех людей, у которых имеются полотна этого художника. Смотрим, не случилось ли с ними чего.

– Вот оно что! – воскликнул Трутнев. – То есть вы хотите сказать, что если я храню эти картины...

– ...то вам угрожает опасность, – закончил его мысль Гуров. – Поэтому я прошу вас быть осторожнее. Усилить охрану дома, не посещать глухие места. Кстати, я не видел у вас охранника, калитку мне вы сами открыли. У вас нет охраны?

– Нет, почему же, есть охрана, – заверил хозяин. – Просто... просто он отпросился сегодня, у него дома какие-то проблемы. Кажется, мать больна... Я не стал возражать... Насчет глухих мест – я обязательно учту ваше предостережение... Скажите, кто именно погиб?

– Художник Игнат Бушуев. А еще актриса Инесса Любарская.

– Да, я слышал о их гибели, – кивнул миллионер. – Я знал обоих. Бесконечно жаль Игната, и еще сильнее моя скорбь по такой талантливой женщине, как Инесса. Но ведь их гибель, кажется, была результатом несчастного случая? Бушуев выпал из окна, а Инесса сорвалась со скалы...

– Да, они погибли в результате падения, – подтвердил сыщик. – Но у нас есть сомнения в том, что это несчастные случаи. Существуют обстоятельства, которые указывают на наличие состава преступления.

– Что вы говорите?! – изумился хозяин. – Значит, они не просто так!.. Но в таком случае... Вы знаете, что в прошлом в нашем городе были и другие похожие эпизоды?

Теперь пришла пора удивляться Гурову.

– Вот как? Что за эпизоды?

– Да вот был случай примерно с год назад, – начал рассказ хозяин. – Была у нас такая бизнесвумен – Дарья Жукова. Тоже интересовалась живописью. И внезапно ее машина упала с обрыва в реку. Дарья погибла. Тогда тоже решили, что это был несчастный случай. А теперь, после того что вы рассказали, я уже не знаю, что и думать...

– Спасибо, что рассказали, – поблагодарил Гуров, заноса в блокнот имя погибшей женщины. – Может, вы и другие подобные случаи знаете?

Трутнев подумал немного, но покачал головой:

– Нет, с ходу ничего такого не вспоминается. Может быть, позже я что-нибудь и вспомню.

– Прошу вас тогда мне позвонить. Вот мой номер телефона. Я сам из Москвы, остановился в гостинице «Речная», можно меня там найти. Хотя... – Он взглянул на часы и убедился, что время приближается к двум часам ночи. – Хотя там я бываю не всегда, – закончил он. – Итак, еще раз повторю нашу рекомендацию: удвоить бдительность, не посещать глухие места и лучше все-таки не отпускать на ночь охранников, какие бы у них ни были семейные проблемы! Еще раз приношу свои извинения за поздний визит.

Хозяин не стал его удерживать. Они снова прошли через холл и вышли наружу. Гуров заметил пятно света на дорожке. Подняв голову, он убедился, что свет падал из окна, из которого час назад к Трутневу обращалась его встревоженная жена.

– Я вижу, ваша супруга не может заснуть. Мне очень жаль, что так вышло. Извините меня. До свидания.

Хозяин ничего не ответил. Он закрыл калитку, и Гуров услышал, как лязгнул засов.

Сыщик постоял еще немного, вновь взглянул на часы. Нет, звонить редактору газеты было решительно поздно. А может быть, наоборот, рано. «Часов в шесть можно будет, навер-

ное, и позвонить. Только я, пожалуй, в это время буду еще дрыхнуть... Да, до восьми надо поспать, а то завтра работать не смогу».

Сыщик сел в машину и поехал в гостиницу. Разворачиваясь, он вновь взглянул на дом и снова увидел свет в окне на втором этаже.

Глава 10

Когда Гуров давал себе установку проснуться в определенное время, он всегда просыпался точно в назначенный час, его организм не знал сбоев. Вот и в это утро он проснулся без пяти минут восемь и сразу отправился в ванную. А в девять часов, выпив кофе в ближайшем кафе, он уже был в кабинете майора Ганчука. Войдя, он убедился, что вся следственная группа уже в сборе.

– Ну что, сначала я хотел бы услышать информацию о вчерашних визитах, – сказал он, занимая свое место. – Начни ты, майор.

– Должен сразу признаться, что за вчерашний вечер я успел встретиться только с Терентьевым. И то лишь благодаря моему давнему знакомству с ним. На дирижера Ярского времени уже не хватило – когда я вышел от Терентьева, был уже второй час ночи.

– Ситуация понятная, – усмехнулся Гуров. – И как прошла беседа с миллионером?

– Я обрисовал ему ситуацию, предупредил об опасности. Терентьев отнесся к моей информации с пониманием. Я спросил его, как у него в доме организована охрана. Оказалось, что в этом вопросе имеются пробелы, и я ему на них указал. Терентьев пообещал все исправить. Он показал мне картины. Правда, я в живописи не разбираюсь, на мой вкус, ничего особенного в них нет – мазня и мазня, довольно мрачная. Я спросил, зачем он такое купил. А он мне объяснил, что в настоящий момент покупка картин Константина Закатовского – это самое выгодное вложение денег, какое только можно придумать. Выгоднее, чем покупать доллары или золото. Эти куски холста с красками растут в цене по семь-восемь процентов каждый квартал. Так что за те полтора года, пока он хранил свои картины, они подорожали уже в два раза, представляете? Еще я у него спросил, не происходило ли с ним в последнее время чего-то подозрительного. Он заверил, что ничего такого не было, никакие незнакомцы возле дома не крутились.

– А ты что скажешь, капитан? – обратился Гуров к Волобуеву.

– К сожалению, мне вчера не удалось встретиться с краеведом Точилиным. Все телефоны у него были отключены. Я позвонил ему утром и договорился о встрече в течение сегодняшнего дня.

– И эта ситуация понятна, – сказал Гуров, усмехнувшись шире. – Ну, а с миллионером Берманом удалось тебе совершить утреннюю пробежку?

– Ну, скажем так: мне удалось с ним встретиться, но не во время пробежки. Район леса, где он бегает, оцеплен охраной, попасть туда нельзя. Но после пробежки я с ним поговорил. Правда, недолго – он очень спешил. Я предупредил миллионера об опасности, он принял предупреждение к сведению, но особого интереса не выказал.

– Купленные картины видел?

– Нет, в дом меня не пригласили.

– Ясен пень. – Гуров повернулся к лейтенанту Полудину. – А ты что нам расскажешь, лейтенант? У тебя богачей в списке не было, одна только беззащитная органистка. Надеюсь, с ней ты смог встретиться?

Лейтенант, заметно смущенный, поднялся со своего места.

– Должен признаться, что нет, не получилось... – начал он. Его признание было встречено уже не усмешкой, а дружным смехом всех участников группы.

– И что же тебе помешало? У нее тоже телефоны были отключены?

– Нет, я дозвонился, но Татьяна Ивановна мне сказала, что она только что вернулась с концерта, очень устала и встретиться со мной не может. Мы договорились встретиться сегодня в течение дня.

– Ладно, в заключение могу вам сказать, что я тоже вчера не встретился с редактором «Северного вестника», – сказал Гуров. И, сурово оглядев улыбающиеся лица оперативников, продолжил: – Зато мне удалось поговорить с Иваном Трутневым. И даже увидеть картины, которые он приобрел. Надо сказать, охраны у него вообще никакой, так что мое предупреждение, я надеюсь, пойдет ему на пользу. И он мне сообщил один любопытный факт. Кто-нибудь слышал о гибели некой Дарьи Жуковой в прошлом году?

Все трое участников группы дружно кивнули ему в ответ. Капитан Волобуев сказал:

– Конечно, было такое громкое ДТП. Была у нас довольно эксцентричная дама. Не замужем, но постоянно меняла любовников, которых с треском потом выгоняла. Или, если это были люди круче ее, она сама от них уходила. И вот однажды после подобного скандала она схватила вещички и уехала от очередного любовника. Дорога проходила по обрывистому берегу реки Патара. В один из виражей госпожа Жукова не вписалась, и машина упала в реку. Жукова утонула. Вскрытие показало у нее в крови слоновью дозу алкоголя. Так что удивительно не то, что она упала с обрыва, а то, что вообще доехала до этого места.

– Трутнев мне сказал, что эта дама интересовалась живописью, – заметил Гуров.

– Разве? – удивился Ганчук. – Хотя да, она покупала какую-то мазню... Но нет, это не то, о чем ты подумал, Лев Иванович. Закатовским там и не пахло. Она покупала всякие красивые картинки – ну там, лебеди в пруду, прекрасные девушки на закате...

– Понятно, – кивнул Гуров. – Ладно, забудем про это. Теперь давайте подведем некоторые итоги. Итак, мы вчера пришли к заключению, что мы имеем дело не с одной бандой убийц и не с одной серией преступлений, а с двумя разными группами. В одном случае жертвами становились коллекционеры разных дорогих изделий – фарфора, икон, другой утвари. Эти убийства были совершены ножом, и налицо следы грабежа. В трех других случаях жертвами становились люди, близкие к покойному художнику Закатовскому, получившие от него в подарок картины. У всех убитых принадлежавшие им картины исчезли. Между тем, как вчера сообщил Николаю Васильевичу миллионер Терентьев, эти картины быстро растут в цене. В силу подобных обстоятельств я считаю, что нам необходимо разделить нашу группу пополам. В первую группу войдут майор Ганчук и капитан Волобуев, будете расследовать убийства Олега Востокова и Ирины Зверевой. Во вторую группу, соответственно, войдем я и лейтенант Полудин. – Он повернулся к лейтенанту. – С этого момента судьба фарфора и икон нас больше не волнует. Нас интересуют люди, загадочным образом падающие из окон или со скал, а также тонущие в реке. Точно так же майора и капитана отныне не интересуют хранители картин, приносящих смерть. С кем вчера не успели встретиться, о тех можете забыть. Теперь эти люди – наша забота. Теперь так: нам нужно место, где мы будем собираться, не мешая майору и капитану. У тебя есть собственный кабинет?

Полудин развел руками:

– Нет, товарищ полковник...

– Сходи к начальнику управления и попроси выделить для наших целей какое-нибудь помещение. Скажи, что я просил. Когда получишь ключи, отправляйся на встречу с органисткой. Ну и раз ты занялся музыкантами, потом еще встретиться с дирижером Ярским. А я встречу с редактором газеты и с краеведом. После этого нам с тобой нужно будет сесть и составить список людей, с которыми в последнее время встречались трое погибших. Если мы выявим совпадения, эти люди будут нас интересовать в первую очередь. Особенно если выяснится, что эти же люди появлялись и возле органистки, дирижера, краеведа или редактора. Так что после встречи с Ярским составь свою часть этого списка. До завтрашнего утра список должен быть готов. Задание понятно? Тогда вперед.

И Гуров вслед за лейтенантом покинул кабинет. Полудин направился к начальнику управления, а Гуров набрал номер телефона редактора Владимира Гришина.

Когда он представился, его собеседник оживился:

– Лев Иванович Гуров? До меня доходили слухи, что вы должны приехать, но я, честно говоря, сомневался. Вы хотите встретиться? Конечно, я готов! Если нужно, я подъеду к вам в управление!

– Нет, будет удобнее встретиться у вас в редакции, это возможно?

– Конечно! Я буду ждать! Вы знаете адрес?

Гуров заверил, что адрес редакции ему известен, сел в машину и отправился на встречу с Гришиным.

Редакция газеты «Северный вестник» занимала восьмой этаж офисного здания. Выйдя из лифта, сыщик сразу же окунулся в атмосферу напряженной работы. Все двери были открыты, по коридору сновали девушки и молодые люди с бумагами в руках. Гуров понял, что в этой редакции люди не сидят без дела и что работает здесь в основном молодежь.

Он нашел кабинет редактора и вошел. За столом сидел человек лет сорока, очень энергичный, и что-то быстро набирал на компьютере. Увидев гостя, он вскочил и приветствовал его.

– Лев Иванович? Здравствуйте, я Владимир Гришин! Рад вас видеть! Присаживайтесь! – Он выглянул в коридор и крикнул: – Лена! Скажи всем, что в ближайший час я занят! Со всеми вопросами пусть обращаются к Косте! – Он снова вернулся в кабинет, закрыл дверь, сел и повернулся к гостю. – Как я понял, вы приехали в связи с убийствами, которые не так давно у нас произошли?

– Да, я расследую эти преступления, – ответил сыщик. – Если говорить точнее, меня интересуют три убийства: художника Игната Бушуева, ученого Федора Овчинникова и актрисы Инессы Любарской. Следственная группа пришла к выводу, что причиной этих убийств стало желание завладеть картинами Константина Закатовского, которые были подарены убитым и хранились у них. Поэтому меня интересуют люди, у которых дома висят картины Закатовского. И вы, я знаю, входите в число таких людей.

– Да, вы правы, я входил и в число друзей Константина Евгеньевича, – согласился редактор. – Он подарил мне пейзаж «Осень в багровых тонах». Он висит у меня в спальне. Так вы хотите сказать, что... иметь у себя эти полотна опасно?

– Да, опасно, – кивнул Гуров. – Поэтому первое, что я вам хотел сказать, – будьте осторожны. По роду своей работы вы общаетесь со множеством самых разных людей. Имейте в виду: не все контакты безобидны. Будьте начеку.

– Ну, это я и так знаю, без всяких картин и без предупреждений, – махнул рукой Гришин. – По роду своей работы, как вы выразились, мы, журналисты, затрагиваем интересы множества людей, в том числе очень мстительных. Нам постоянно угрожают, так что к этому мне не привыкать. Но я учту ваше предупреждение и стану еще внимательнее, если это возможно.

– Скажите, а среди людей, с которыми вы сталкивались в последние несколько месяцев, не было таких, которые проявили интерес к хранящейся у вас картине?

– Почему же не было? Среди моих знакомых есть ценители живописи. И вообще, многие в городе знают, что я был дружен с Закатовским, бывал у него в гостях... Так что такие люди в моем окружении имеются... Вы хотите сказать, что кто-то из них может оказаться убийцей?

– Не хочу вас пугать, но мой ответ – да, может. Поэтому поставлю вопрос таким образом: не поступали ли вам от ваших знакомых... ну, какие-нибудь необычные предложения? Например, вам предлагали отправиться куда-нибудь на реку, в глухое место, на скалу?

Выслушав вопрос, редактор неожиданно рассмеялся, чем удивил сыщика.

– Простите мой смех. Дело в том, что я сам то и дело предлагаю своим друзьям отправиться куда-нибудь в глухое место. Ведь я с юности занимаюсь спортивным туризмом, лазаю по горам, люблю исследовать пещеры. Думаю, мне и не стоит бояться глухих мест. Я там чувствую себя достаточно увереннее, чем какой-нибудь негодяй, задумавший завладеть пейзажем Кости Закатовского.

– Хорошо, что вы такой смелый человек. Тогда у меня к вам есть вопросы другого рода. Вы, наверное, знаете людей в вашем городе, которые не получали картины Закатовского в подарок, а покупали их, видя в этом надежное вложение средств?

– Конечно, знаю, – кивнул редактор. – Есть у нас такие «деловые коллекционеры». Например, господин Берман активно скупает современную живопись. Недавно у Прянчикова полотно приобрел, у Могильного, до этого у Бушуева покупал. У наследников Константина Евгеньевича он, насколько я знаю, купил даже две картины.

– Внесу поправку: три картины, – поправил редактора Гуров. – Кто еще скупает в вашем городе живопись?

– Можно назвать еще господина Терентьева... Кого еще назвать, не знаю...

– А Ивана Никитича Трутнева вы не считаете коллекционером? – спросил сыщик.

– Трутнева? – удивился редактор. – Какой же он коллекционер? Нет, раньше он, конечно, много чего и покупал, и строил, и приемы устраивал, и со всякими инициативами выступал. Но в последний год Трутнев если что и собирает, так исключительно долги.

– Вот как? – удивился Гуров. – Что же с ним случилось?

– У нашего олигарха приключились сразу две беды – одна в бизнесе, другая в личной жизни, – начал объяснять Гришин. – Вернее, в личной жизни тоже две разных беды. С бизнесом начались проблемы в связи с общим падением спроса на автомобили. В свое время Трутнев с размахом открывал свои автосалоны, строил их по последнему слову техники, с расходами не считался. Тогда спрос на новые машины полз вверх, продажи шли хорошо, и он рассчитывал, что быстро погасит кредиты и начнет получать устойчивую прибыль. Но вдруг спрос на авто резко упал, и салоны стали приносить убытки. Сейчас он закрыл все, оставил только один. Но Трутнев, возможно, справился бы с этой бедой, если бы она пришла одна. У него приключилось несчастье с Лизой, его дочерью.

– Что такое?

– То, что частенько бывает с девушками из богатых семей. Лиза благополучно окончила школу, поступила в РАНХиГС, хорошо училась. В личной жизни у нее тоже все сложилось – здесь, в Татуеве, она познакомилась с молодым, но уже подававшим надежды врачом (сейчас не могу вспомнить его фамилию). Но в какой-то момент Елизавета пристрастилась к наркотикам. Ее начали лечить, и выяснилось, что ее организм не принимает некоторые лекарства. Их систематический прием спровоцировал у нее редкую болезнь печени, которую у нас, в России, не лечат.

– Да уж, действительно, беда не приходит одна... – заметил Гуров.

– Погодите, это еще не конец истории. Лизу лечили в Швейцарии, потом в Штатах. Денег на это ушло много – все, что Трутнев получил от своего бизнеса. Так он разорился окончательно. Начались проблемы с женой Татьяной. У нее на почве всех этих несчастий началось что-то вроде психического расстройства – она панически боится одиночества и темноты, ни минуты не может оставаться одна, особенно в темном помещении. Ей тоже требуется лечение. Так что, уверяю вас, Трутневу сейчас не до покупки полотен.

– Тем не менее две картины Закатовского он все же купил, – подметил Гуров. – Я их видел у него в доме.

– Вы были дома у Трутнева? – удивился Гришин. – А он еще не продал дом? Я знаю, что в прошлом году его выставляли на торги за неуплату кредита.

– Нет, пока что Трутневы живут там... Что ж, мне многое стало понятно в поведении Ивана Никитича. Теперь у меня к вам вопрос, который часто задают полицейские: как вы считаете, кто мог убить Игната Бушуева?

Гришин задумался, потом пожал плечами.

– Среди друзей Игната убийц нет... Кроме... Пожалуй, я бы не поручился за Славу Могильного. Он человек, безусловно, яркий, талантливый, но, к сожалению, Пушкин оши-

бался – зачастую гений и злодейство совмещаются в одном человеке. Могильный завидовал Игнату. А от зависти до злодейства один шаг.

– Спасибо вам за рассказ и за ваши пояснения, – поблагодарил редактора Гуров и уже поднялся, чтобы уйти, но тут ему пришел в голову еще один вопрос. – Скажите, а Трутнев, случайно, не интересуется старинным фарфором или иконами?

– Насколько я знаю, нет, – ответил Гришин.

– А вы знаете в городе людей, которые скупают такие вещи или перепродают?

– Нет, вот так с ходу я вам таких антикваров не назову, – пожал плечами редактор. – Но если хотите, я наведу справки...

– Ладно, это не столь важно, – успокаивающе сказал Гуров. – Я сам могу все узнать. Напоследок еще раз хочу предупредить: будьте осторожны. Хоть вы и турист, все же по возможности избегайте глухих мест.

Глава 11

Выйдя из редакции, Гуров достал телефон и наконец-то набрал номер, который за последние сутки хотел набрать уже не раз, – номер художника Славы Могильного. Теперь точно ничто не мешало ему поговорить с единственным человеком из окружения художника Бушуева, которого его знакомые считают способным на убийство.

В трубке сначала долго раздавались звуки вызова, потом механический голос сообщил, что «абонент не отвечает». Гуров был упорен и повторил звонок еще раз, потом еще, и только с третьего раза ему ответили.

– Ну, и что вам нужно? – услышал он раздраженный, даже злой голос.

Сыщик представился и сообщил о желании встретиться. Он думал, что собеседник, узнав, с кем имеет дело, извинится за резкость и скажет, что готов к общению. Но ничего подобного не произошло. Вячеслав Могильный и не думал менять гнев на милость. Он, правда, говорил теперь не с такой злостью, но голос все равно оставался раздраженным.

– Не понимаю, зачем нам встречаться. У меня с полицией никаких дел нет.

– Я расследую гибель вашего друга Игната Бушуева, – объяснил Гуров. – Изучаю обстоятельства его смерти. Поэтому хотелось бы встретиться и с вами.

– Все равно не вижу смысла встречаться, – не уступал Могильный. – Во-первых, Игнат погиб в результате несчастного случая, это всем известно. А во-вторых, не такой уж он был мне друг... И в-третьих, я занят, работаю!

Тут терпение Гурова лопнуло.

– Послушайте, Могильный. Встретиться со мной вы должны не потому, что мне так хочется, а потому, что вас обязывает закон. И раз вы так себя ведете, я отменяю нашу встречу у вас в мастерской. Извольте в течение получаса явиться в управление. У дежурного спросите, где найти полковника Гурова. Если не явитесь, я пришлю за вами наряд, и вас доставят под конвоем. Вы меня поняли? Встречаемся в управлении.

– Постойте-постойте! – послышался голос художника. – Что же вы так сразу? Я готов встретиться! Если хотите, приеду в это ваше управление. Но, может быть, все-таки лучше у меня? Не хочется тратить время на дорогу. У меня как раз работа кипит. А такое не всегда бывает.

– Вот так бы с самого начала! – наставительно заметил Гуров. – Я ценю чужое время, тем более время творческих людей. Хорошо, я приеду в вашу мастерскую.

Дорога до мастерской оказалась неблизкой, и в какой-то момент Гуров успел пожалеть, что так легко пошел на попятную и не заставил Вячеслава Могильного ехать в управление. Но он действительно уважал творческих людей и старался их без причины не отвлекать от работы.

Наконец навигатор сообщил ему, что он находится у цели. Машина остановилась у старого здания в три этажа, которое давно не ремонтировали. Никакого кодового замка на двери не было – заходи кто хочешь.

Гуров прошел по коридору и увидел открытую дверь. Он сразу понял, что приехал по нужному адресу. В помещении остро пахло краской, а когда сыщик сделал еще несколько шагов вперед, он увидел картины.

Одного взгляда было достаточно, чтобы определить разницу между творениями Игната Бушуева и тем, что писал Вячеслав Могильный. В мастерской, в которую попал Гуров, царили яркие краски и свежие сочетания цветов. «Удивительно, что такой желчный раздражительный человек, как Могильный, пишет такие жизнерадостные картины, – подумал Гуров. – К тому же у него и фамилия не располагает к радости. Бывает же такое!»

Тут сыщик увидел и самого создателя этих красочных полотен. Вячеслав Могильный оказался высоким худым человеком лет тридцати пяти, с черными волосами до плеч и острым

взглядом голубых глаз. Он неподвижно стоял посреди своей мастерской, не двинулся навстречу гостю, не сделал ни одного шага. Гуров подошел к художнику и представился. Могильный не стал протягивать гостю руку, только коротко кивнул и показал на два стула, стоящие по разные стороны от старого, заляпанного краской стола. С момента появления гостя он не произнес еще ни одного слова, он явно ждал, что скажет сыщик.

– Прежде всего я хочу рассеять одно заблуждение, которое вы высказали по телефону, – начал Гуров. – Это заблуждение касается причины гибели Игната Бушуева. Следствие установило, что он не выпал из окна самостоятельно, а ему кто-то «помог». Стало быть, произошло убийство. И я это убийство расследую.

Уверенное выражение на лице Славы Могильного враз исчезло. Теперь оно выражало растерянность.

– Игнат был... убит?.. Это... это невероятно! Но... кто?..

– Вот это я и хочу выяснить. И в связи с этим у меня к вам обычный вопрос: где вы были и что делали в тот день, когда погиб Бушуев?

Художник растерялся еще сильнее.

– Я не помню! – воскликнул он. – А когда это случилось?

– Четырнадцатого марта этого года, – сообщил ему Гуров. – Не так уж много времени прошло. Постарайтесь вспомнить, где вы были в тот день.

Вячеслав Могильный надолго задумался. Потом медленно покачал головой.

– Нет, не могу вспомнить, – признался он. – Скорее всего, я был здесь и работал, как сейчас. Но я не могу утверждать это с полной уверенностью.

– Допустим. Вы с Бушуевым часто встречались?

– Ну, не каждый день, но достаточно часто. Каждую неделю точно.

– У него или у вас?

– Чаще у него или у Закатовского. Сюда он не приходил, кажется, ни разу. Или, может, один раз.

– Где именно у него – дома или в мастерской?

– И там бывало, и там. Но чаще я заходил к нему в мастерскую.

– Когда вы к нему заходили, вы встречали кого-нибудь?

– Встречал, разумеется.

– Кого именно?

– Чаще всего Лешу Пряничкова, Володю Соломина. Еще девушек – Катю, Люду.

– А других людей видели?

– Да, конечно, приходили всякие поклонники. Кто-то хотел купить у него картину, кто-то хотел завести знакомство.

– Вот эти люди меня интересуют прежде всего. Постарайтесь их вспомнить.

– Это как раз самое сложное. Я почти никого из них не знаю. У нас не было принято, чтобы Игнат представлял своих гостей... Хотя постойте, я кое-что вспомнил! Помню одного мужчину, пожилого такого. Кажется, он какой-то ученый, где-то преподает...

– Вы об этом человеке говорите? – Гуров показал художнику фотографию востоковеда Федора Овчинникова.

Могильный мельком взглянул на фото и сразу кивнул:

– Да, он! Но я не знаю, как его зовут.

– Этого человека звали Федор Терентьевич Овчинников. Он тоже был убит.

– Убит? – изумился художник. – Так у нас не только Игната убили?

– Нет, не только, – подтвердил Гуров. – Поэтому мне хотелось бы, чтобы вы напрягли свою память и вспомнили, кого еще вы видели в мастерской или дома у Бушуева, допустим, в январе – феврале этого года. Сколько таких людей вы можете насчитать?

И снова Вячеслав Могильный задумался. В конце концов последовал ответ:

– Пожалуй, я могу насчитать четверых. Но назвать не смогу – не знаю их имен.

– Имен вы не знаете, – задумчиво согласился Гуров, – но ведь вы художник. У вас профессиональная память на лица. Вы сможете нарисовать портреты этих людей?

– Отличная мысль! – воскликнул Могильный. – Надо же, полицейским тоже приходят в голову удачные мысли! Сейчас, сейчас...

Он порывлся в столе, в шкафу, достал большой лист ватмана и карандаш, сел за стол и в течение двадцати минут быстро рисовал. В конце поглядел на получившиеся рисунки, скривился, добавил еще несколько штрихов и протянул сыщику готовый лист.

Гуров взглянул на ватман и поразился таланту хозяина мастерской. Он никогда не видел людей, которых изобразил Могильный, и не мог сказать, похожими ли получились портреты, но они явно отличались один от другого. Каждый человек, изображенный на листе ватмана, обладал яркой индивидуальностью, его нельзя было спутать ни с кем другим. «А ведь именно в этом беда большинства наших фотороботов, – подумал Гуров. – Как ни стараются свидетели, все их портреты похожи один на другой».

Он еще раз оглядел людей на рисунках. Здесь были трое мужчин и одна женщина. Женщина первой привлекла его внимание. Она была не такой уж молодой – лет под сорок, – но на лицо довольно миловидной. Самым характерным в ее внешности был взгляд – очень цепкий, твердый. «Такая дама вполне могла бы вытолкнуть художника из окна и похитить картину Закатовского».

Мужчины получились менее выразительными. Один помоложе, интеллигентного вида: в очках, с небольшой залысиной, с грустным выражением лица. Двое других были постарше.

– Спасибо вам большое, – поблагодарил художника Гуров, аккуратно складывая лист ватмана. – Надеюсь, эти портреты помогут в поисках убийцы. Они очень выразительны. Вы прекрасный портретист!

Очевидно, Вячеслав Могильный не был избалован комплиментами – слова сыщика явно пришлись ему по душе. Он улыбнулся, и лицо его сразу изменилось и стало более привлекательным.

– Ну что вы, никакой я не портретист! Я считаю себя жанровым художником, следую традиции Константина Евгеньевича. Хотя Игнат не считал меня учеником Закатовского – дескать, краски у меня не те, да и сюжеты тоже. Если хотите, я вам покажу некоторые работы...

В планы Гурова не входило любование картинами свидетеля, но ему не хотелось обижать хозяина мастерской, который постарался ради него.

– Конечно, покажите! Только у меня не так много времени...

– Я вас не задержу, – заверил его Могильный. – Всего лишь несколько картин! Вы говорите о моем мастерстве в изображении лиц – вот я вам и покажу несколько портретов.

Они поднялись, и хозяин подвел гостя к правой стене мастерской. Здесь висела очень необычная картина. На ней был изображен воин Древней Руси в доспехах, с мечом на поясе и в стальном шлеме на голове. Но при этом правая рука воина лежала на руле мотоцикла, а в левой он держал бутылку минеральной воды. Лицо было хитрым, он словно подмигивал зрителю.

– Издеваетесь над традициями, – понимающе улыбнулся Гуров. – Это далеко не всем нравится.

– Вы правы, – согласился художник. – Константину Евгеньевичу подобные мои работы и не нравились. Может быть, поэтому он так и не подарил мне ни одной своей картины. А Игнату вот подарил.

– Ну, для Игната Бушуева этот подарок стал смертельным, – заметил Гуров. – Так что вам не стоит ему завидовать.

– В каком смысле смертельным? – удивился художник.

– В том смысле, что Бушуева убили именно из-за подаренной ему картины. По крайней мере, все на это указывает. И после его смерти картина пропала.

– Вот оно что... – протянул Могильный. – Тогда я понимаю, почему вы пришли ко мне. Вы, наверное, и с Катей Антошкиной виделись?

– Да, я встречался и с Антошкиной, и с бывшей женой Бушуева Лизой, и со многими другими. И с вами, возможно, мне еще раз придется встретиться, если возникнут новые вопросы.

Глава 12

Теперь в списке сегодняшних встреч у Гурова остался только краевед Максим Точилин. И сыщик уже собрался ему звонить, но сообразил, что сегодня он, как и вчера, забыл пообедать. А время между тем приближалось к четырем часам. «Стас Крячко мне бы такое поведение не простил. Обязательно напомнил бы, что таким поведением я могу заработать себе язву желудка. Что ж, не будем зарабатывать язву, поищем какое-нибудь заведение».

Чтобы совместить поиски столовой и работу, он вбил в навигатор адрес краеведа. И когда умный аппарат составил ему маршрут, сыщик неторопливо поехал в нужную сторону, по пути разглядывая вывески по обеим сторонам улицы.

Спустя некоторое время нужное заведение нашлось. Оно называлось «Русская кухня» и обещало «традиционный русский обед». Войдя внутрь и ознакомившись с меню, сыщик понял, что вывеска в целом не обманула – ему предлагали борщ, пельмени, расстегаи и жареную картошку с селедкой. Гуров остановился на борще и картошке.

Пока ему несли заказ, он достал ватман и еще раз взгляделся в лица, изображенные Славой Могильным. «Да, эта дама вполне может оказаться убийцей Бушуева, – подумал он. – Необходимо срочно выяснить, кто она такая. Личность остальных людей на рисунках тоже нужно установить, и как можно быстрее. Пожалуй, ради этого стоит кого-то перебросить на это направление из «группы коллекционеров». Пусть Ганчук самостоятельно ищет убийц Востокова и Зверевой или подключит кого-нибудь еще, а капитана Волобуева я брошу на это направление».

Приняв такое решение, он набрал номер капитана и обрисовал ему ситуацию.

– Нужно как можно быстрее установить личность этих людей, – еще раз сказал он в заключение. – Подъезжай сейчас ко мне в заведение «Русская кухня», которое на улице Мира. Я тебе передам рисунки, сделанные по моей просьбе Могильным.

– Значит, это что-то вроде фоторобота? – уточнил Волобуев. – Вряд ли получится быстро установить личность по таким изображениям. Я несколько раз этим занимался и без особого успеха.

– На этот раз ситуация другая. То, что нарисовал Могильный, – это совсем не фоторобот. Ну, ты сам увидишь. Давай подъезжай, не теряй времени.

Тут как раз сыщику принесли борщ, и он на время отключился от всего, что связано с расследованием. Борщ оказался что надо: в меру горячий, наваристый и очень вкусный. Гуров покончил с ним и переключился на картошку, когда в кафе вошел капитан Волобуев.

Он поприветствовал Гурова и сел рядом. Сыщик молча достал лист с четырьмя портретами и передал его капитану. Тот взглянул на изображения и в восхищении покачал головой.

– Да, вы правы, это совсем не похоже на фоторобот. С такими портретами стыдно будет не найти людей. Но скажите, как они связаны с нашим расследованием?

– Это знакомые Игната Бушуева, – объяснил Гуров. – Люди, которых Могильный видел в гостях у художника. Соответственно, ты можешь вычислить круг тех, кто к нему заходил.

– Да, это сделать нетрудно, – кивнул капитан и встал.

– Может, поешь, раз уж сюда пришел? – предложил ему Гуров. – Кормежка здесь мировая!

– Да я уже давно пообедал, Лев Иванович, – время ведь уже пятый час.

– Да, действительно. Вечно у меня все не как у людей. Ладно, иди ищи наших фигурантов.

Оставшись в одиночестве, он закончил обед и позвонил Точилину. Оказалось, что краевед занят – как раз в этот момент он проводил экскурсию по памятным местам в центре города.

– Но я скоро закончу, смогу подойти, куда скажете.

– Никуда подходить вам не требуется, я сам вас найду. Где вы сейчас находитесь?

– На улице Революционной, между двумя особняками начала девятнадцатого века – дома двенадцать и двадцать два. Вы знаете, где это?

– Пока не знаю, но выясню, – пообещал Гуров.

Он вновь прибег к помощи всезнающего навигатора. Оказалось, ехать ему предстоит не очень далеко. Спустя десять минут сыщик уже вышел из машины и сразу заметил группу людей, в центре которой стоял и что-то рассказывал высокий жилистый человек. Сыщик подошел, пристроился к группе и дослушал заключительную часть рассказа, посвященную судьбе особняка купца Шмидта в советское время. Рассказывал Точилин интересно, оперировал множеством фактов и подробностей.

Когда экскурсия подошла к концу и все разошлись, Гуров подошел к Точилину, представился и объяснил, что обращается к нему в связи с расследованием гибели Бушуева, Овчинникова и Любарской.

– Разумеется, расследование – это важно, но я не совсем понимаю, при чем здесь я? Я, конечно, знал всех троих, ведь они были людьми известными в нашем городе, но ни с кем из них я не был знаком близко. Пожалуй, только Инессу Васильевну я знал чуть лучше...

– Вы меня неправильно поняли, – объяснил Гуров. – Я вас хотел увидеть не как свидетеля, располагающего информацией, а как человека, который тоже может стать жертвой преступления...

– Я могу стать жертвой?! – изумился краевед. – Но почему?

– Причиной может стать картина Константина Закатовского, которая у вас хранится. Он ведь дарил вам свое полотно?

– Да, Костя четыре года назад подарил мне «Небесный огонь». Но при чем здесь картина?

– Видите ли, мы пришли к выводу, что преступник – или группа преступников – охотится за картинами Закатовского, – объяснил сыщик. – В последние годы они приобрели большую ценность. На аукционах на Западе готовы платить все больше и больше за каждое полотно. А когда ставка становится слишком высока, «ценители живописи» с криминальным уклоном ни перед чем не останавливаются.

– Вот оно что... – протянул Точилин. – Невероятно! Значит, Инессу Васильевну убили из-за картины? А ведь она ею так гордилась! Как это ужасно!

– Да, приятного здесь мало, – согласился Гуров. – Поэтому я явился к вам – предупредить о возможной опасности. Вам следует быть внимательнее, если к вам обращаются малознакомые или вовсе незнакомые люди. Лучше пока что воздержаться от таких контактов.

– Но как же я ограничу число контактов с незнакомыми людьми? – удивился Точилин. – Ведь я каждый день провожу экскурсии, выступаю с лекциями! Это моя работа! Если я перестану этим заниматься, я останусь без заработка! Да даже не в заработке дело! Встречи с людьми и беседы о прошлом нашего края – это суть моей жизни!

– Я вас понимаю, – кивнул сыщик, – и не призываю совсем прекратить работу. Но ведь ваша деятельность состоит не только из экскурсий, верно? Возможно, вы пишете книги по истории края – самое время этим заняться сейчас. Но если вы все же будете проводить экскурсии и общаться с незнакомыми людьми – будьте осторожны. Если вам предложат, например, пойти осмотреть развалины какой-нибудь старинной усадьбы, не соглашайтесь ни в коем случае!

– Я вас понял, – ответил краевед. – Хорошо, я прислушаюсь к вашим предостережениям. Если уж Инесса погибла, которая никому в жизни не сделала ничего плохого, которую все так любили... Да, в таком случае мне тоже следует быть настороже.

– Я рад, что вы серьезно относитесь к моим словам. У меня к вам еще один вопрос. Вы сказали, что были близко знакомы с Любарской. Наверняка вы видели рядом с ней разных людей. Скажите, а не мелькали ли в кругу ее знакомых вот эти лица?

Сыщик протянул Точилину лист с четырьмя портретами. Краевед взял ватман, внимательно взгляделся в него, переводя взгляд с одного лица на другое, потом медленно покачал головой.

– Нет, кажется, никого из этих людей я раньше не видел. Ни у Инессы Васильевны, ни в другом месте... Хотя постойте... – Он еще раз взгляделся в лист. – Вот этот мужчина, с залысиной... Кажется, я его видел у Любарской. Но кто он, как его зовут – не имею ни малейшего представления.

Гуров удивился. Он ждал совсем другого ответа, ждал, что краевед опознает женщину, которая, вероятно, была связана с гибелью Бушуева.

– Ладно, поинтересуемся этим персонажем... И еще у меня к вам есть одна просьба. Скажите, вы живете далеко отсюда?

– Нет, совсем рядом, минут пятнадцать пешком. А что?

– Мне бы очень хотелось взглянуть на картину, которую вам подарил Закатовский, – пояснил Гуров. – Я видел уже несколько полотен этого художника, и они произвели на меня большое впечатление. Хотелось бы воспользоваться еще одной возможностью расширить свое представление о его работах.

– Конечно-конечно! – воскликнул Точилин. – Я вам покажу, идемте!

– Я на машине, можем подъехать.

Спустя пару минут они остановились у подъезда обычного девятиэтажного дома. Выяснилось, что краевед живет на восьмом этаже. «Какое совпадение, однако! – заметил Гуров. – Бушуев тоже жил на восьмом...»

Они поднялись, Точилин открыл дверь. «Дверь не стальная – деревянная. Замок простенький, такой открыть ничего не стоит. Нехорошо».

В квартире хозяин, не тратя времени, сразу провел гостя в комнату, которая, по-видимому, служила ему кабинетом. На стене напротив входа висело полотно, которое было невозможно не заметить. На стене словно горел яркий фонарь! А на самом деле это светило закатное солнце, прорвавшееся сквозь слой тяжелых мрачных облаков. Это был самый настоящий небесный огонь! Не зря художник так назвал свое творение. Гуров несколько минут смотрел на картину от двери... Потом сместился чуть вправо... Чуть влево... С любой точки полотно Константина Закатовского производило одинаково мощное впечатление.

– Да, теперь я понимаю... – пробормотал сыщик.

– Что именно? – тотчас отозвался Точилин.

– Теперь я понимаю, почему коллекционеры всего мира готовы платить за это большие деньги... Понимаю, почему из-за этих картин убивают...

Глава 13

По плану у Гурова на сегодня намечались беседы еще с тремя свидетелями – с художественным руководителем театра, в котором работала Любарская, с актером Дмитрием Лопухиным, который долго и безуспешно ухаживал за актрисой, и с другом Бушуева Лешей Пряничковым.

Однако когда сыщик достал телефон, чтобы позвонить худруку, аппарат его опередил и зазвонил сам. Звонил майор Ганчук.

– Докладываю, Лев Иванович! – торжественно начал майор. – Кажется, мы нашли украденный у Востокова фарфор.

– Здорово! А убийц тоже нашли?

– Почти нашли и убийц. Надо допросить покупателя фарфора, тогда все узнаем. Полудин поехал в суд за разрешением на обыск и арест, потом приступим к задержанию. Будешь участвовать или тебя не ждать?

– Я хотел бы в этом участвовать, дождитесь меня.

Когда он подъехал к управлению, Ганчук ждал его у входа. Здесь же стояли две машины, в которых сидели участники оперативной группы. Майор сел в машину Гурова.

– Езжай, Лев Иванович, за ребятами, они знают дорогу. А я тебе по пути все расскажу. Ехать нам почти час.

Машины тронулись с места, и Ганчук приступил к рассказу:

– Я получил сведения о том, что у нашего местного олигарха Виктора Трифоновича Сазонова вчера состоялся прием. Повод подходящий: хозяин приобрел комплект антикварной мебели, за которым давно охотился. А вместе с мебелью он приобрел еще ряд старинных вещей, и среди них – фарфор. Я стал искать человека, который был на этом приеме и не отказался бы поделиться со мной сведениями. Сочетание, как ты понимаешь, довольно редкое – на таких акциях обычно собираются киты и акулы бизнеса, а такие люди без повода разговаривать не станут.

– Да, в таком деле нужно иметь повод или даже крючок, за который можно схватить такого кита, – заметил Гуров.

– Оказалось, что среди гостей Сазонова присутствовал Денис Кривобоков, – продолжил рассказ майор. – Этого Кривобокова мы два года назад взяли при попытке дать взятку должностному лицу. Я тогда не стал оформлять это как отдельное дело, и Кривобоков пошел как свидетель. Теперь он мне очень полезен, часто предоставляет сведения из сферы бизнеса. Он и рассказал, что на приеме хозяин хвастался не только старинными креслами и шкафами, изготовленными двести лет назад во Франции – представляешь, какой раритет, – но и недавно приобретенным комплектом старинного фарфора. По описанию похоже, что это тот самый фарфор, который исчез из квартиры убитого Востокова.

– Так мы едем в дом Сазонова? – уточнил сыщик. – Его будем брать?

– Нет, Сазонова мы брать не будем, ему нечего предъявить. Будем брать того, кто продал ему этот фарфор. Кривобоков по моему заданию еще раз встретился со счастливым новоиспеченным обладателем мебели и фарфора и расспросил его как бы невзначай, как он этот фарфор покупал и у кого. И Сазонов рассказал, что безделушки ему принес младший сын Игоря Леонидовича Столетова Валентин. Вот этого Валентина мы и будем сейчас брать.

– Так, рассказывай, что за Валентин?

– Сначала я тебе расскажу о Столетове-старшем. Игорь Леонидович в прежние времена возглавлял крупнейший таксопарк города. И когда началась приватизация, он перевел этот таксопарк в свою собственность. Потом он еще приобрел сеть заправок, занялся торговлей бензином и в результате стал одним из самых богатых людей нашего города. Пожалуй, он даже

круче, чем те коллекционеры картин, с которыми мы общались. А сын Игоря Леонидовича Валентин стал типичным «мальчиком-мажором» – учиться нигде не хотел, вылетел из всех престижных вузов, куда папа его пристроил. Пристрастился к наркотикам, что стало для его отца большой проблемой. Игорь Леонидович – человек крутой, суровый. В какой-то момент он перестал давать своему оболтусу деньги на «дурь» – понадеялся, что тот одумается. Но Валентин не только не одумался, но и пошел еще ниже – связался с бандитами, уже дважды попадался на участии в грабежах. Но пока что папе удавалось отмазать сына.

– Да, это подходящая кандидатура на роль убийцы Востокова и Зверевой, – согласился Гуров.

Пока шла эта беседа, три машины с оперативниками выехали на окраину города и остановились возле небольшого одноэтажного дома из красного кирпича.

– Вот здесь и обитает Валентин Столетов, – пояснил Ганчук. – Этот домик папа купил сыну, когда тот еще не скурвился окончательно. Сейчас дом, по нашим сведениям, превратился в настоящий притон. Валентин никогда не живет здесь один, его всегда окружает целая компания – дружки, девицы... Многие из них – с криминальным прошлым. И настоящим.

Оперативники окружили дом. Трое встали у входа – они должны были выломать дверь, если ее откажутся открывать. Еще четыре человека заняли посты под окнами. Гуров взял на себя дальнее окно на задней стене, через которое удобно бежать на соседнюю улицу. Когда все приготовились, Ганчук подошел к двери, позвонил, затем громко постучал.

– Открывай, Столетов! – потребовал он. – Мы знаем, что ты здесь! Открывай, полиция! Если не откроешь, мы выломаем дверь!

Гуров не видел, как майор барабанит в дверь, но слышал каждое его слово. И еще он слышал, как в доме поднялась суматоха. Раздались чьи-то вскрики, топот ног. В окне мелькнуло чье-то лицо – Гурову показалось, что женское.

А затем произошло неожиданное: три окна дома одновременно открылись, и оттуда наружу полетели какие-то небольшие предметы.

– Гранаты! – крикнул кто-то из оперативников. – Ложись!

Бойцы залегли, но Гуров не поверил, что у мелкого бандита имеются на вооружении боевые гранаты. Он не лег, только спрятался за кусты, чтобы его не было видно.

Гранаты взорвались с негромким хлопком, повалил густой дым. Прежде чем этот дым достиг кустов, за которыми прятался сыщик, он понял, что происходит. Он выхватил из кармана носовой платок и плотно прижал его к носу. В тот же миг он услышал чей-то кашель. Волна слезоточивого газа накрыла всех участников задержания и на время вывела их из строя.

Из окон начали выпрыгивать люди. Гуров плохо контролировал ситуацию у других окон, он лишь краем глаза отметил, что оттуда выскочили три или четыре человека, которые сразу бросились в разные стороны.

Из того окна, возле которого стоял сыщик, выскочили парень и девушка. Оба в респираторах, стелющийся по земле газ им не страшен. Они бросились бежать, надеясь уйти от преследователей. Когда они достигли кустов, Гуров выставил девушке подножку, а парня сбил с ног ударом кулака. Оба покатались по земле. Сыщик навалился на парня, выкрутил ему правую руку за спину и достал наручники.

Но ему помешали два обстоятельства: газ и девушка. Чтобы сковать задержанного, ему пришлось убрать платок от носа. Тут же его горло словно кто-то начал раздирать металлической проволокой, сыщика охватил неуправляемый кашель. Девушка резво вскочила и бросилась на помощь парню. Она начала лупить Гурова по голове, и била довольно сильно. К тому же выяснилось, что правая рука у задержанного – не самая сильная. Он изловчился, смог перевернуться и сбросить сыщика с себя. Теперь уже два противника набросились на Гурова. В руке у парня сверкнул нож.

Гуров мог пустить в ход табельное оружие, но не захотел. Неизвестно, чем бы обернулось дело, но неожиданно подоспела помощь. Чей-то кулак нанес парню удар, от которого тот выронил нож и вновь оказался на земле, а Гуров, оставшись один на один с девушкой, скрутил ее и надел наручники.

Только после этого он смог разглядеть своего спасителя. Им, конечно же, оказался майор Ганчук. Он не пострадал от первой волны газа, потому что из двери гранаты не бросали, и потому был свежее остальных.

К этому времени подул ветерок, который развеял волну газа, в воздухе остались витать лишь отдельные облачка ядовитого соединения.

К Гурову и Ганчуку подошли другие участники операции. Вид у них был пристыженный. Никого из тех, кто сбежал через боковые окна, задержать не удалось, все скрылись в путанице частных застроек.

Майор тоже был не слишком доволен, ведь он, как руководитель операции, должен был предусмотреть и такой ход событий. Но когда майор взгляделся в лицо парня, лежавшего на земле, настроение у него сразу улучшилось.

– Пусть мы остальных не поймали, зато главная птица у нас в руках! Знакомься, Лев Иванович: Валентин Столетов. А это, – майор указал на девушку, – его подруга жизни Люба Рудина. Ну-ка, ребята, помогите нашему герою встать, а то у него, я вижу, все силы закончились.

Двое оперативников взяли младшего Столетова за руки и рывком поставили его на ноги, после чего Ганчук обратился к нему уже официально:

– Гражданин Столетов! Вы задержаны по подозрению в убийстве граждан Востокова и Зверевой, а также в грабеже и разбое. Гражданка Рудина! Вы задержаны за оказание сопротивления сотрудникам полиции и за нападение на одного из них. Все, ребята, сажайте их в машины. Сержант, возьми кого-нибудь из рядовых, осмотрите дом, вызовите криминалистов. Когда специалисты поработают, дом опечатайте.

Все пришло в движение. Столетова и его спутницу повели к машинам, двое оперативников залезли в дом через окно, открыли дверь и начали осмотр. На некоторое время Ганчук и Гуров остались одни. Воспользовавшись этим, майор тихо сказал сыщику:

– Хорошо, Лев Иванович, что ты решил участвовать в операции. Если бы не ты, Столетов ушел бы вместе с остальными. Мое упущение! А ведь я поначалу не хотел тебя на эту операцию приглашать. Зачем, думаю, отвлекать человека от дел? Рутинная работа, ничего особенного. Но потом решил все же поставить тебя в известность. А оно вон как вышло.

– Особо не расстраивайся, Николай, – сказал ему Гуров. – У каждого бывают ошибки. Важно, какие выводы мы из них делаем... Ну что, поедem снимать скальпы с наших пленников? Будем проводить первый допрос?

– Поедем, конечно. И на этот раз я уже не сомневаюсь, требуется твое участие или нет.

Глава 14

До управления они добрались без приключений. По дороге Столетов, сидевший на заднем сиденье между двумя оперативниками, пытался «качать права», угрожал полицейским возможностями своего отца, но Гуров в ответ задал ему несколько вопросов о совершенных убийствах, и задержанный замолчал.

Они вошли в управление, поднялись в кабинет Ганчука. Двое оперативников, выполнявшие обязанности конвоиров, ввели Столетова. С него сняли наручники, и задержанный сел напротив допрашивающих.

Гуров начал допрос.

– Валентин, ты можешь, конечно, все отрицать. Можешь «качать права» и требовать присутствия твоего адвоката. Тогда никакого разговора у нас не случится. Но я хочу, чтобы ты понял одну простую вещь. Тебе предъявят обвинение в убийстве двух человек, совершенном с целью ограбления. Если суд согласится с доводами следствия, тебе грозит до двадцати пяти лет лишения свободы. Конечно, не пожизненное заключение, но вещь очень тяжелая, поверь. Люди не всегда выдерживают такой срок. А если выдерживают, то выходят совершенно сломленными людьми. Если ты не сумеешь отвести от себя обвинение в убийстве, ты проведешь в лагере большую часть жизни. Стоит ли этого твой сообщник – тот, вместе с которым ты вломился в квартиру Востокова?.. Подумай об этом. И учти еще вот что. В случае, если тебя признают виновным, твою девушку, которая так храбро тебя защищала, обвинят в пособничестве убийце. Ей будет грозить более тяжкая статья, чем сейчас, пока она обвиняется всего лишь в сопротивлении сотрудникам полиции.

Закончив эту короткую речь, сыщик замолчал и выжидательно посмотрел на задержанного. Речь Гурова произвела на него нужное впечатление. От того наглого, развязного поведения, с которым Валентин Столетов появился в кабинете, не осталось и следа. Молодое привлекательное лицо Столетова-младшего покрылось пятнами, он вспотел. Он не знал, что делать со своими руками, то сжимал пальцы, то разжимал. Глаза бегали из стороны в сторону. Молчание длилось несколько минут, оперативники его не нарушали.

Наконец задержанный заговорил. Правда, сказал он совсем не то, что ожидали услышать оперативники.

– А че это вы меня в убийцы записали? С какого перепугу? Не знаю я никакого Востокова или кого там еще. У вас на меня ничего нет – ни свидетелей, ни улик. Никто меня там не видел и видеть не мог.

Столетов посмотрел на своих противников с прежним заносчивым видом. Однако Гуров в ответ только усмехнулся.

– Вот ты и признался, Валя. Фактически ты сейчас выдал, что знаешь об обстоятельствах этих преступлений то, чего никто не может знать, кроме убийц и сотрудников полиции. Вот майор знает, что на тебе и твоём сообщнике были надеты маски и потому свидетели не могли увидеть ваши лица. А ты, если бы был посторонним человеком, этого знать не мог бы. Но это так, мелочь, психологическое рассуждение. А серьезный аргумент против тебя – это фарфор, который ты продал Виктору Трифоновичу Сазонову, заявив, что якобы где-то его выгодно приобрел. Это очень неосторожный поступок, Валя. Неужели ты не понимал, что мы быстро опознаем этот фарфор? Вот тебе первая улика, и от нее ты никуда не денешься. За ней последуют и другие. Например, ножи, оставленные вами на местах убийств, и маски, брошенные в угнанных машинах. Ты знаешь, что такое биологический материал? Да, отпечатков ваших пальцев на ножах и масках нет. Но на них остались следы вашего биоматериала. Мы возьмем пробы и узнаем, кто носил эти маски и кто размахивал ножами. Есть и еще одно обстоятельство. Ты, как сегодня выяснилось, левша. И если криминалисты вынесут заключение, что Востокова

и Звереву убил человек, лучше владеющий левой рукой, нежели правой, петля на твоей шее окончательно затянется. И если...

Сыщик не смог продолжить фразу – его прервал истошный крик задержанного:

– Это не мой нож! Не мой! Ничего вы на нем не найдете! Их Пермьяк убил! Я был там, был, но я не убивал! Нечего на меня жмуриков вешать!!!

– Пермьяк – это кличка или фамилия? – вступил в допрос майор Ганчук.

– Не знаю! – все еще истерично отозвался Столетов. – Я его вообще плохо знаю! Он приезжий, только месяца три как здесь объявился!

– Если Пермьяк, то он, стало быть, из Перми? – предположил майор.

– Кажется, да, – кивнул задержанный уже спокойнее. – Мне его друзья привели. Ему кокс был нужен и что-нибудь еще, покруче. А я знаю, где достать. Так мы и познакомились. А потом он стал о себе рассказывать. Рассказал мало – такие люди много не говорят, – но кое-что сказал.

– Что, например? – спросил Гуров.

– Например, что ходил на мокрое дело. Но не с огнестрелом – он его почему-то не уважает. Он холодное оружие предпочитает. И тут же показал, как умеет им пользоваться. Это, скажу я вам, то еще зрелище! Перо у него в руке так и сверкает – прямо как в кино!

– Откуда родилась идея ограбить Востокова? – спросил Ганчук. – Пермьяк не мог такое предложить, он Татуев не знает. Это была твоя идея?

– Ничего не моя! – возмутился задержанный. – Это дело вообще никто конкретно не предлагал! Оно возникло так... как бы это сказать... стихийно, что ли. Началось с того, что один мой друган мне рассказал, что этот хряк, Сазонов, прикупил где-то рухлядь – мебель старую раздобыл – и теперь тоскует, что не может на эту мебель поставить такой же старинный фарфор. Мне друган и говорит: «Вот он не знает, где старинный фарфор взять, а я знаю! Правда, у этих безделушек хозяин имеется...» И рассказал мне про этого хмыря, Востокова.

– Так, Валя, давай срочно называй этого твоего хорошо осведомленного друга, – потребовал Гуров. – Ты и сам понимаешь, что нам необходимо проверить твои сведения.

– Так это... зачем вам его имя?... – попробовал уклониться от дачи показаний Столетов. – Он тут ни при делах...

– Нам решать, при делах он или нет, – строго заметил Ганчук. – Имя давай!

Задержанный скривился, словно от чего-то неприятного, но, взглянув на лица оперативников, понял, что они от него не отстанут.

– Генка его зовут, Карякин.

– А, знаю я этого Карякина! – повернувшись к Гурову, сказал Ганчук. – Тоже хорош, обормот. Но в криминале вроде не был замешан. Сейчас распоряжусь...

Ганчук вызвал сотрудника управления и дал ему задание доставить Геннадия Карякина для дачи показаний. Потом он снова повернулся к задержанному:

– Не бойся, ничего серьезного твоему Генке не грозит. Он в данном деле не наводчик, а свидетель. Ведь он не знал, что ты собираешься грабить Востокова... Или знал?

– Нет, я Генке ничего не сказал, – заверил Столетов. – Я вообще постарался этот разговор замять, чтобы он лишнего не подумал. Я сказал об этой возможности Пермьяку. И тот сразу заявил, что дело стоящее, когда я сообщил ему, что из той квартиры можно вытащить старинный фарфор, а может, еще и картины какие удастся вынести...

При слове «картины» оба оперативника насторожились и переглянулись.

– А вы разве вынесли из квартиры Востокова не только фарфор? – спросил Ганчук. – Картины тоже?

– Нет, кроме фарфора, ничего стоящего там не оказалось. Там вообще чудно было, он такими пафосными вещами владел! Там каждая чашка стояла, как новая «Лада»! И при этом мебель такая допотопная, комп старый, телефон тоже... Он мог бы продать какую-нибудь

дурацкую статуэтку или блюдце, нормально одеться и поселиться где-нибудь в Ницце или во Флориде, а он жил в жуткой халупе и трясся над своей глиной. В общем, не умел жить человек, не понимал своего счастья...

– Ну, зато ты его понимаешь, – заметил Ганчук. – Скажи, вы с самого начала договорились убить хозяина фарфора?

– Нет, мамой клянусь, не было такого уговора! – снова разволновался задержанный. – Мы для того маски и надели, чтобы этот хмырь нас не увидел! Зачем нам его убивать, если он нас опознать не сможет? Я был в полной уверенности, что «мокрухи» не будет! А оно вон как вышло.

– И почему же так вышло? – спросил Гуров.

– Как только мы вскрыли квартиру, хозяин спросил: «Кто там?» Пермяк сразу достал нож, – начал объяснения Столетов. – Я и маму вспомнить не успел, как он этого хмыря пырнул один раз, потом другой... И все. Поздно стало что-то говорить. Я уж его ругал, ругал... Мне кажется, ему просто хотелось кого-нибудь убить. Я даже подумал тогда, что ведь он и меня может таким же манером прикончить.

– Подумать подумал, но в свой дом пригласил, – заметил Гуров. – Ведь Пермяк был среди тех, кто сбежал из твоего дома под дымовой завесой?

– Ну да... – неохотно признался Столетов. – Ему идти некуда. И вообще, нам надо было барахло толкнуть, а потом деньги поделить. А где это удобнее сделать? Ясное дело, у меня. Вот я его и позвал. До сих пор об этом жалею.

– Кстати, насчет дымовой завесы, – подметил Ганчук. – Кто гранаты раздобыл – ты или он?

– Он их с собой привез. Сказал, что какой-то магазин оружейный грабанул, заодно и эти «игрушки» взял. Вот пригодились.

– Понятно... Но что это мы все о Востокове? – вспомнил Гуров. – Ведь на вас еще одно убийство висит – гражданки Зверевой. И тут, я уверен, никакого «стихийного» элемента не было. Это ведь ты предложил ограбить собирательницу икон?.. Что молчишь?

– Ничего я не предлагал, – отозвался Столетов. – Это Пермяк на меня насл. Требовал с ножом у горла, чтобы я еще кого-нибудь из богатых людей назвал. Он после ограбления Востокова вошел во вкус. Грозился меня убить и Любку, если я ему новый адрес не найду. Пришлось найти...

– Ну да, а ты здесь вообще вроде жертвы получаешься, – заключил Ганчук. – Просто сама невинность! Ты лучше скажи, где сейчас твоего Пермяка искать? Где он может скрываться, если он в городе никого не знает?

– Ну, нельзя сказать, чтобы совсем никого. Он у меня познакомился с одной девушкой, с Анжелой. Ей такие крутые мужики нравятся. У них любовь-морковь началась. Скорее всего, он к Анжеле и подался.

– Говори адрес Анжелы, и на сегодня с тебя хватит, – приказал Ганчук.

Задержанный неохотно назвал адрес и номер телефона подруги «крутого» Пермяка. Ганчук уже вызвал оперативников, чтобы те отвезли Столетова в СИЗО, но Гуров вспомнил об одном вопросе, который хотел задать задержанному.

– Скажи, Валентин, ты знаешь в вашем городе таких же любителей картин, как ты и твой Пермяк – любители фарфора и икон?

– Вы о чем? – не понял задержанный.

– Ну, вот вы искали в городе людей, у которых есть дорогой фарфор и старинные иконы. А есть люди, которые ищут дорогую живопись. Очень дорогую, дороже твоих статуэток. Ты, случайно, не знаешь таких людей?

– Картины? – удивленно переспросил Валентин. – Разве бывают такие дорогие картины?

– Бывают, – заверил его сыщик. – И на них кто-то охотится. А мы ищем этого охотника. Не знаешь, под каким кустом он может прятаться?

Задержанный задумался. Несколько минут он ворошил свою память, потом медленно покачал головой.

– Нет, я таких чуваков не знаю. А должен – я всех знаю, кто подобными делами промышляет.

Глава 15

Больше у Гурова не было вопросов к сыну олигарха Столетова. Тот был отправлен в СИЗО.

Ганчук пошел собирать штурмовую группу, с которой собирался посетить квартиру Анжелы, чтобы задержать загадочного Пермяка. Гурова он тоже позвал с собой. Но сыщик взглянул на часы и увидел, что время приближается к полуночи.

– Нет, Николай Васильевич, штурмуй квартиру сам. Я верю, что на этот раз ты ошибок не допустишь и тебя не испугают никакие гранаты – ни газовые, ни светошумовые. А я отдохну. – И он отправился в гостиницу.

По дороге сыщик закупился всякой снедью, состоявшей в основном из пирожков. В номере он вскипятил чай, разложил еду и сел ужинать.

«Да, теперь окончательно ясно, что наши дороги с группой Ганчука и Волобуева расходятся, – размышлял он, отправляя в рот очередной пирожок. – Художника, востоковеда и актрису убили другие люди, не Валя Столетов с Пермяком. И почерк преступлений здесь другой. Вряд ли эти люди попадутся на спешной продаже картин или другой подобной глупости. Нет, мы сможем их найти только в результате систематического, упорного поиска. Многое может дать список, который сейчас составляет лейтенант. Кажется, он парень толковый. Завтра будет видно. Беседы со свидетелями пока можно закончить и целиком сосредоточиться на фигурах из этого списка. Этим надо будет заняться с самого утра».

На следующее утро Гуров проснулся с мыслью, что сегодня он не будет заниматься ничем и никем, кроме людей, знавших всех троих погибших. Он позавтракал, побрился и уже собирался звонить лейтенанту Полудину, когда тот неожиданно сам ему позвонил.

– Лев Иванович, у нас ЧП! – с ходу выпалил лейтенант. – Помните, вы хотели побеседовать с краеведом Точиным?

– Я уже с Максимом Евгеньевичем встретился и побеседовал, – ответил Гуров. – А что случилось?

– Нехорошее дело случилось, товарищ полковник! Точилин повесился! Полковник Ганчук уже выехал на место происшествия.

– А где это место происшествия? У него в квартире?

– Нет, не в квартире! Поэтому я и говорю, нехорошее это дело! Точилин повесился в доме, который был объявлен памятником культуры, но стоит заброшенный и постепенно разрушается. Есть у нас такой, «дом Воротынского» на улице Сакко и Ванцетти. Точилин давно пенял городским властям на плохое состояние памятника, но как-то у них руки до этого объекта не доходят. Вот он в знак протеста и повесился прямо в этом доме-памятнике...

– А в квартире у него кто-нибудь побывал? Туда наряд выслали?

– Вроде бы нет, не выслали... – признался Полудин. – Николай Васильевич как узнал об этом, сразу отправился на Сакко и Ванцетти.

– Слушай внимательно, лейтенант. Точилин жил на улице Соборной, дом семьдесят четыре, квартира тридцать восемь. Восьмой этаж. Немедленно отправляйся туда и проведи осмотр! Хорошо, если захватишь с собой кого-нибудь из криминалистов. Там, в кабинете, должна висеть картина Закатовского «Небесный огонь». Посмотри, на месте ли это полотно, и как только узнаешь, позвони мне. Все понял? Вперед. Хотя нет, подожди! Сперва скажи мне номер этого дома-памятника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.